

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ

Роман

ПОДЧИНИЯЙСЯ

приказам

Анна

Лерова

Анна Лерова

Подчиняйся приказам

«Литнет»

2026

Лерова А.

Подчиняйся приказам / А. Лерова — «Литнет», 2026

— Предлагаю заключить брак. Естественно фиктивный. Если ты официально станешь моей супругой, то люди, которые сейчас ведут на тебя охоту - не смогут тронуть.— А вам это зачем? У меня нет денег, чтобы расплатиться с вами. Мне нечего вам дать.Его холодная ухмылка, будто у дьявола - первая эмоция за весь разговор. Что сейчас, что в машине - при нашей первой встрече.— О, поверь. У меня тоже будет выгода от этого брака. Какая именно - тебя не касается.Случайно став свидетельницей убийства и теперь на меня открылась охота. Эти люди не остановятся и я не смогу себя защитить сама. Но может он.Офицер службы безопасности, что предложил мне заключить с ним фиктивный брак, из которого он поимеет свою, известную лишь ему, выгоду. Теперь нам придется притворяться счастливой парой до тех пор, пока я не перестану быть ему нужной.Вот только почему с каждым днем его взгляд становится все жарче?..ПОДПИСКАОДНОТОМНИК! ХЭКнига участница литмоба "Жена по приказу"

© Лерова А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Свидетель	5
Глава 2. Побег	7
Глава 3. Он	9
Глава 4. Предложение	11
Глава 5. Заявление	14
Глава 6. Выбирай	17
Глава 7. Кофе	20
Глава 8. Договорился	23
Глава 9. Смена	25
Глава 10. Гнев	29
Глава 11. Работа	32
Глава 12. Квартира	34
Глава 13. Флешбэк	39
Глава 14. Карта	44
Глава 15. Кафе	47
Глава 16. Разговор	50
Глава 17. Ужин	54
Глава 18. Кино	60
Глава 19. Моя	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Глава 1. Свидетель

Сильнее кутаясь в тонкую куртку, я выхожу на разбитую улицу. Здесь я появляюсь редко, поэтому гляжу в оба, чтобы не пропустить нужный поворот.

Впереди слышится шум.

— Я тебе щас хлебоборезку сам закрою!..

Издалека вижу небольшую, но очень громкую компанию мужчин с бутылками алкоголя в руках. Уже с такого расстояния ясно, что все сидящие на скамейке и стоящие рядом с ней — безбожно пьяны. Губы против воли кривятся. Если одному-двум я смогу хоть как-то брызнуть в лицо перцовкой и убежать, то от пятерых вряд ли удеру.

Недовольно поджав губы, сворачиваю в соседний переулок. Из-за этих пьяниц приходится делать лишний круг. Ноги и так болезненно пульсируют, а тело уже давно мечтает попасть в объятия кровати, но путь до дома сегодня у меня явно с препятствиями.

Этим переулком я ни разу не ходила. Но если посудить логически, то через два здания я смогу вернуться на прежнюю улицу и обойти тех мужиков.

Тут темнее. Из-за того, что я ни разу не проходила этой улицей, всё тело сковывает от нервозности, холода и усталости. Включать фонарик и привлекать к себе лишнее внимание боюсь, поэтому иду и вглядываюсь в слабо освещенные здания, выискивая потенциальную опасность.

Пройдя чуть вперёд, натыкаюсь на тупик. Чёрт. Неужели придётся делать ещё больший круг? Меньше всего мне сейчас хочется плутать по тёмным улицам в поисках дороги домой. Но и возвращаться на ту дорогу с алкашами тоже желания нет.

Тяжело вздохнув, включаю приложение с навигатором на телефоне и, вбив адрес съемной квартиры, пытаюсь разобраться, как теперь вообще до туда можно добраться.

Пока я иду, всматриваясь в белый прямоугольник на экране, не сразу замечаю, что в малоосвещенном переулке кто-то есть.

— ...отвечай! — рывкает кто-то в темноте, после чего слышится глухой стук и сдавленный, но полный боли стон.

Испуганно отрываю взгляд от смартфона и вглядываюсь в темноту, но из-за разницы света зрачки ещё не перестроились. Поэтому я могу лишь слышать, что происходит впереди.

Сую гаджет в карман и другой рукой сильнее сжимаю баллончик. Отчаянно вглядываюсь в темноту, но вижу пока лишь слабые очертания.

— Я тебя последний раз спрашиваю, сукин ты сын. Куда. Ты. Дел. Мои. Бабки?

Вздрагиваю всем телом. Голоса значительно ближе, чем я думала. Глаза уже почти привыкли, но я пока всё ещё не вижу людей, произносящих это.

Слышится шорох и какая-то возня. После — сдавленное мычание. Словно у кого-то вынули кляп изо рта.

— Клянусь... я взял всего пять процентов. Остальное... забрал ваш секретарь, — произносит охрипшим голосом незнакомец, делая передышки.

— Отрежь ему руки, — раздаётся ледяной приказ в звенящей тишине, а меня парализует от ужаса.

Голову простреливает током, а внутренности обжигает кипятком. Господи, во что я вляпалась?!

Из-за страха пульс начинает бешено колотиться, а зрение наконец проясняется. От различаемых силуэтов волосы встают дыбом. Сколько их тут? Десять?.. Пятнадцать?..

— Нет! Не надо... Я всё верну! Даже больше.

Толпа мужчин окружает незнакомца, стоящего на коленях. Стоят они не плотным кольцом, а в шахматном порядке, тем самым открывая мне обзор происходящего.

Один из верзил подходит к стоящему на коленях и резко запихивает ему тряпку в рот. Мгновение — и в темноте блестит лезвие ножа. Успеваю зажмуриться прежде, чем увижу эти зверства, ужасы. Хочу закричать, но вовремя зажимаю себе рот трясущейся рукой.

Боже... неужели это происходит со мной? Ноги вместе с телом окончательно леденеют от происходящего. Язык прилипает к нёбу, из глаз брызжут слёзы.

Раздается нечеловеческий вой сквозь кляп. Кажется, его слышно на весь город.

Мне... мне срочно нужно что-то сделать. Но что?! Ноги и тело настолько трясёт, что я еле могу сделать шаг назад, чтобы облокотиться на стену здания и не упасть.

— Где бабки? — вновь спрашивает леденящий разум грубый голос. Против воли открываю глаза. Кляп изо рта вновь вынули, и послышался жалобный скулеж.

Господи. Неужели в наше время такое все ещё возможно? Мы же не в девяностых. Надо срочно уносить отсюда ноги. Делаю шаг назад, опираясь на стену. Меня нещадно трясёт. Всклипы рвутся из горла, но я стараюсь их сдерживать, чтобы меня не заметили.

— Деньги... в заброшенном доме. За городом. Только не убивайте. Я все верну. В тройном размере, — захлебывался вор рыданиями, а меня от этих звуков нещадно обдавало кипятком.

— Ты знаешь, где это? — задает вопрос тот же голос.

— Да, босс.

— Отлично. Тогда пристрелите его.

Щелчок. Оглушительный выстрел. Волосы насквозь промокли, а тело теперь трясло так, что ноги уже не держали. Желудок болезненно сжался, пытаюсь вывернуть из себя поздний ужин.

Я все-таки рухнула на колени. И, кажется, что это было слишком громко. В панике обернулась назад и в ужасе раскрыв рот все же завывала.

Все темные силуэты уже смотрели в мою сторону.

— Взять её, — отдал приказ тот, кого называли боссом, указав на меня пистолетом.

Адреналин прокатился по телу. Отчаянно пытаюсь отползти, убежать, я разодрала себе руки о мелкую крошку битого стекла на асфальте.

Глава 2. Побег

Паника захлестнула с головой. Сердце колотилось уже где-то в горле. Но я понимала. Мне не убежать.

Схватив меня, как котенка за шкурку, двое верзил потащили меня ближе к главарю. Прямо передо мной, в нескольких метрах, лежало бездыханное тело. Переступив через него, словно через мешок картошки, «босс» приблизился ко мне. Слегка дернув за шкурку, верзилы поставили меня на колени перед ним.

Приблизив к моему лицу пистолет, этот ублюдок начал меня разглядывать. После дулом медленно приподнял мою голову за подбородок. Меня не просто трясло. Лихорадило. Из рта вырывались всхлипы, но я не могла произнести ни слова.

— Красивая, — произносит он, двигая дуло пистолета выше. Ледяной металл обжигает кожу, но мозг отказывается воспринимать реальность. Я себя чувствую оголенным проводом под напряжением. Одно малейшее движение — и я перегорю.

Металл скользит по щеке, потом по скуле. А после перебирается на мои дрожащие губы. Будто бы нежно отодвигает дулом нижнюю губу. Создается ощущение, что оружие — это продолжение его руки.

— П-по-п-пощадите, — наконец удается мне выдавить из себя, заикаясь.

Главарь приближает свое лицо ближе к моему, и, наконец, мне удастся рассмотреть его. Жесткий подбородок, темная щетина. Прямой нос, хмурые брови. Скулу рассекает рваный белый шрам. Но самое устрашающее — это глаза. Холодные. Безразличные. Стеклянные.

— Прости, кукла, но ты слишком много видела. Мне лишний шум ни к чему, — произнес безразличным сухим голосом. Пистолет медленно приблизился к виску, а я зажмурилась. Мне до безумия страшно. Это какой-то ужасный кошмар. Скоро я проснусь у себя дома, и все будет хорошо. Будет... — Не бойся, больно не будет. Даже не успеешь понять, что произошло.

В голосе этого монстра теперь звучит некая забота. Или это у меня от ужаса мозг воспалился?

Зажмуриваю веки, готовясь к выстрелу. Сердце колотится в горле. Рвотные позывы то и дело сотрясают.

Я так мало пожила. Даже университет не закончила...

— Босс. Приехали люди Грачова. Хотят переговорить. Сказали срочно.

На мгновение мир словно замер. Звонящую тишину, казалось, нарушает лишь мое рваное дыхание. Секунда, вторая, третья... Но ничего не происходило.

— Ладно, пошли. Свяжите ее и вырубите. Пусть умрет без мучений.

Медленно открываю сначала один глаз, потом второй. Все люди уходят в противоположную сторону. Туда, откуда я пришла. Со мной остаются только двое.

— Черт, у тебя веревка ещё есть? — произносит один, обращаясь к напарнику.

— Если только с того снять, — кивает в сторону труп.

Меня передергивает от ужаса и отвращения. Дрожащей рукой нащупываю баллончик в кармане и выжидаю.

Не знаю, откуда во мне взялось столько смелости, но как только один садится на корточки рядом — брызгаю ему в лицо. И пока второй бугай не понял, что произошло, ему достается тоже.

— Стой, сука!

Они попытались бежать за мной, но ничего не видели.

Я кинулась прочь. Ноги все так же не держали меня, поэтому я несколько раз рухнула на асфальт. Но упрямо поднималась и бежала прочь от этого места. Прочь от этих монстров. Прочь, прочь, прочь...

Ветки хлестали меня по щекам. Я бежала, не разбирая дороги. В голове билась одна мысль. Если мне удастся спастись, я больше никогда не выйду из дома. Никогда-никогда.

Перед лицом стояли его глаза. Господи, они мне будут сниться в кошмарах.

Неожиданно меня схватили за рукав и потянули в сторону зданий. Я даже пискнуть не успела, как огромная грубая ручища закрыла мне полностью рот и нос. Отрезала возможность дышать.

Глава 3. Он

Тело била крупная дрожь, а легкие уже горели от нехватки кислорода. Из последних сил я дрыгала ногами, пытаюсь вырваться. Отчаянно раздираю ногтями кожу очередному чудовищу, решившему лишить меня жизни.

От нехватки кислорода перед глазами заплесали черные пятна. В голове появился вязкий туман. Ещё пару минут, и я задохнусь. Монстр перехватил меня за предплечья, лишая возможности двигать руками. Двигаться становилось всё сложнее и сложнее. Тело будто накачали свинцом, заставляя бежать десятикилометровый кросс.

Пока я горела в агонии, теряя последние силы на сопротивление, мужчина меня куда-то тащил. По характерному щелчку догадалась, что он открыл дверь машины.

Не успела я подумать о том, что меня сейчас будут в лесу закапывать, как меня грубо запихнули в машину. Секунда, и спасительная доза кислорода огнем наполнила мои легкие. Вновь дышать стало невыносимо больно. Я, как младенец, впервые вдохнувший воздух, готова была кричать от боли в груди. Закашлявшись, отчаянно глотала воздух, пытаюсь отдышаться. Из глаз брызнула новая порция слез, но в них все ещё плясала темнота.

Схватив меня за руку, он протянул её к себе, а потом отпустил так, словно она была ненужным мусором.

Несколько минут тишины. Мотор в машине заведён, и я понимаю, что мы куда-то едем. Сжалась на сидении, будто мышка. Меня не связали, и это пугало отчего-то гораздо больше. Будто моя судьба уже решена.

Неужели меня везут насиловать перед тем, как убить? Руки вновь начала сотрясать крупная дрожь. Нижняя губа задрожала. Машина остановилась.

— Рассказывай, что видела, — произносит низкий мужской голос с водительского сиденья.

Теперь я хотя бы вижу, что нахожусь спереди. Машина припаркована на незнакомой улице. Тут гораздо больше фонарей, из-за этого светлее. Но от этого спокойнее не становится.

Пытаюсь выдавить из себя хоть что-нибудь, но страх сковал горло.

— Язык проглотила? Или вопрос не услышала?

Его слова словно удар под дых. Этот ублюдок меня только что чуть не задушил, ещё и требует что-то?! Да я даже мысли собрать в кучу толком не могу.

— Слы... шала, — произношу хрипло и ещё слышно. Горло дерет нещадно, будто меня заставили килограмм гвоздей проглотить разом.

Негромко выругавшись, мужчина полез доставать что-то с заднего сиденья. Через мгновение мне на колени небрежно упала бутылка с водой. Запечатанная.

Трясущимися руками пытаюсь её открыть, но сил по-прежнему нет. Не вытерпев моих жалких телодвижений, бугай выхватывает из моих рук емкость и сам раздраженно отворачивает крышку. Довольно грубо пихает мне воду обратно в руки. Но я даже до рта донести бутылку не могу. Пальцы так трясет, что вся холодная жидкость расплескивается на и без того пропитанные грязью джинсы.

Вновь раздраженно засопев, огромная рука выхватывает у меня бутылку, прижимая горлышко к моим губам.

Вода наконец попала в рот, блаженно стекая по пересохшему горлу. Я жадно глотала её, не в силах остановиться, пока не почувствовала, что напилась. Мужчина, видя моё состояние, не торопил, лишь сверлил холодным злым взглядом.

— Теперь рассказывай, — повторил он, когда я немного пришла в себя.

Я с трудом сглотнула, пытаюсь собраться с мыслями.

— Я... я шла домой... и увидела... увидела, как... как... — Голос предательски задрожал, слова застревали в горле.

— Конкретнее, — перебил он, подавшись вперёд. Схватил за подбородок, повернув голову в его сторону. Заставляя смотреть ему в глаза. — Что именно ты видела? Особые приметы? Лица?

Я терялась. Не знала, что это за человек. Он подчиненный того «босса»? Если да, то почему узнает подробности? В итоге, то ли от страха перед мужчиной, то ли из-за пережитого очень сбито и сумбурно рассказала всё, что видела. Лишь не описала лицо главаря, соврав, что из-за темноты ничего не рассмотрела.

Брюнет долго вглядывался в мое лицо. Недовольно, чуть расширив ноздри. Квадратные, гладко выбритые челюсти сильно сжаты. Глаза из-за света фонарей казались черными. Да и сам он выглядел так, что холодок бежал по коже. И нет, он не был уродом. Очень даже симпатичный молодой мужчина. Но своей энергетикой он давил так, что хотелось спрятаться под сиденье и не вылезать до тех пор, пока он не уйдет.

Поэтому я замерла и боялась пошевелиться.

Отпустив мой ноющий подбородок, бугай откинулся на спинку сиденья. С минуту что-то печатал в телефоне. А потом, заводя машину, произнес безразлично:

— Что ж, поздравляю, кукла. Тебе конец. Гаспаров объявил на тебя охоту. И поверь, его люди найдут и уберут свидетеля любой ценой.

Все это произнесено таким тоном, словно мы говорим о погоде. Поэтому до меня не сразу дошел смысл сказанного.

Глава 4. Предложение

К моему огромному удивлению, мужчина не потребовал от меня ничего. Он лишь сухо поинтересовался, где меня высадить. Просить высадить меня прямо у дома не решилась. Вдруг он один из тех бандитов? Назвала адрес круглосуточного магазина через два квартала.

Машина остановилась. Я вылетела из салона, даже не обернувшись. Ноги сами несли вперед, в темноту знакомых дворов. Ключи до боли впивались в ладонь. Я бежала, пока передо мной не выросла обшарпанная пятиэтажка.

Захлопнув дверь, повернула все замки: старый нижний, верхний, который почти не закрывался, и щеколду. Только тогда позволила себе сползти по двери на пол и разрыдаться.

Всхлипы душили меня. Я сидела на холодном линолеуме в прихожей и не могла остановиться. Перед глазами стояла вспышка выстрела и равнодушные, стеклянные глаза главаря. А потом хватка стальных пальцев на моем лице. Инстинктивно провела рукой по шее. Казалось, на коже остались синяки.

Заставив себя подняться, пробралась в ванную. Стянула грязные джинсы с кофтой и бросила в таз. На светлой ткани проступили темные разводы. То ли грязь с асфальта, то ли кровь того человека.

Включила горячую воду, почти кипятком. Забралась под душ и позволила обжигающим струям хлестать по лицу, плечам, спине. Терла себя мочалкой, пока кожа не покраснела. Хотелось содрать с себя этот вечер, стереть память о нем.

Я просидела в ванне почти два часа. Вода остыла, а я всё не могла заставить себя выйти. Только когда зубы застучали от холода, завернулась в старенький халат и побрела на кухню.

За окном уже рассвело. Я смотрела на пустую улицу и думала о том, что где-то там меня ищут. Вспомнила его слова: «Гаспаров объявил на тебя охоту». Кто этот Гаспаров? Тот, с пистолетом и шрамом? Фамилия неприятно царапнула слух. Теперь у моего страха есть имя.

Достала телефон и набрала сообщение администратору клуба, в котором работала официанткой, соврав про температуру. Елена Викторовна ответила коротко: «Поправляйся. В четверг жду».

Четверг. До четверга ещё как-то дожить надо.

Забралась в кровать и укрылась одеялом с головой, но сон не шёл. Стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором возникала та картина: окровавленная культия, сдавленный вой сквозь кляп.

Выходные провела словно в коматозе.

Лежала и смотрела в потолок. Выходить на улицу было страшно до тошноты. Казалось, за каждым углом меня ждет человек с пистолетом. Даже к окну подходить боялась. Задернула шторы, оставляя комнату во мраке.

В понедельник утром должна была быть в университете, но не смогла заставить себя выйти. Но страх уже сменился тупым оцепенением. Встала, сварила кофе, но еда в горло не лезла. Сидела на кухне, прислушиваясь к каждому шороху в подъезде. Телефон держала под рукой, на случай, если придется звонить в полицию. Хотя кому звонить? Тем, кто сами охотятся на меня?

Мне больше и некому звонить. Если убьют, переживать будет разве что Рита на работе, да Лена-однотруппница. Мать разве что на публику сыграет горе от «потери».

Днем, когда я, обессиленная, провалилась в тревожную дремоту прямо на диване, раздался звонок в дверь.

Подскочила, словно меня ударили током. Сердце рухнуло в пятки, ладони стали влажными и холодными. Звонок повторился. Настойчивый, требовательный.

Я никого не ждала. Администратор знает, что я болею. Ленка уехала к родителям. Почтальон не ходит по квартирам. Значит...

На ватных ногах подкралась к двери. Прильнула к холодному глазку. Искажённое линзой, но вполне узнаваемое лицо.

Он. Тот, что душил меня, затаскивая в машину.

Меня нашли.

Снова звонок. Длинный, раздражающий. Зажмурилась, пытаюсь унять дрожь. Может, притвориться, что меня нет? Уйдёт? Не станет же ломать дверь среди бела дня?

Снова посмотрела в глазок. Он не смотрел на дверь — смотрел в экран телефона, что-то печатая. Секунда, и мой смартфон завибрировал. Сообщение с незнакомого номера.

«Открывай. Я знаю, что ты дома».

К горлу подкатила тошнота. Ещё одно сообщение упало следом.

«Разговор есть. Не испытывай мое терпение, иначе выбью дверь».

Паника накрыла с головой. Он выбьет дверь. Точно выбьет. Этот человек способен на всё. Я вцепилась в тёмные волосы, дёрнула, надеясь, что боль поможет прогнать ужас. Не помогло. Звонок врезался в тишину, как удар ножом.

Я поняла: выбора нет. Либо открою сама, либо он снесёт эту хлипкую преграду.

Дрожащей рукой отперла щеколду, потом верхний замок. Нижний открывала особенно долго, ибо ключ не слушался. Наконец дверь со скрипом отворилась.

Кожаная куртка, тёмная водолазка под горло, обтягивающая широкие плечи, чёрные брюки. Выглядел мужчина как человек, привыкший отдавать приказы. Без единого слова, без приглашения перешагнул порог и вошёл в мою маленькую прихожую, заставив инстинктивно попятиться.

Его взгляд скользнул по моему лицу, спутанным волосам, старому халату. Потом, словно сканер, окинул прихожую: потёртый коврик, вешалку с курткой, облупившуюся краску на батарее. От этого изучающего, хозяйского взгляда стало ещё неуютнее. Я чувствовала себя голой.

— К-кто вы? — выдавила, обхватывая себя руками за плечи. Голос предательски дрожал. — И как вы меня... как нашли?

В горле пересохло. Перед глазами снова мелькнула та ночь. Его рука на моём лице. Неужели пришёл закончить начатое?

— Молчанов Ярослав Алексеевич. Сотрудник ФСБ, — произнёс сухо, даже не взглянув на меня. Осматривал квартиру, и по едва заметной скептической складке у губ его выводы были неутешительными. — Это ответ на оба вопроса.

Замерла. ФСБ? Но почему он был там? Почему расспрашивал про Гаспарова? Мозг, затуманенный недосыпом и страхом, отказывался соображать. Допрос? Пришёл допрашивать как свидетеля? Я втянула голову в плечи.

— И о чём... о чём вы хотите поговорить? — спросила, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но вышло жалобно.

Он не церемонится. Переходит сразу к делу.

— Предлагаю заключить брак. Фиктивный, естественно. Если станешь моей супругой, люди Гаспарова не смогут тебя тронуть.

От его тяжёлого, немигающего взгляда захотелось провалиться сквозь землю.

Я смотрела на него, открыв рот. Брак? В мозгу что-то щёлкнуло и перемкнуло. Из всего потока слов уловила только «жена», «фиктивный» и «Гаспаров».

Это шутка? Злая, издевательская? Или часть плана: усыпить доверие, выманить из квартиры?

Нервно сглотнула.

— А вам это зачем? — выпалила, чувствуя, как от страшной догадки сжимает лёгкие. — У меня нет денег расплатиться. Мне нечем вам заплатить.

Молчанов смотрел с каменным выражением лица. А потом его губы тронула холодная, дьявольская усмешка. Первая эмоция за всё время. Такая же, как тогда, в машине. Жуткая, отстранённая, хищная.

— О, поверь, — произнёс тихо, но с усмешкой. По коже поползли ледяные мурашки. — У меня тоже будет выгода от этого брака. Какая именно — тебя не касается.

Я стояла посреди собственной прихожей, босая, в халате, с красными от возмущения щеками, и чувствовала, как почва уходит из-под ног.

Глава 5. Заявление

В комнате повисла тяжёлая тишина. Его слова звучали как какой-то безумный сюрреалистичный сон. Фиктивный брак с сотрудником ФСБ? Это звучало как сюжет дешёвого боевика, но глаза мужчины были слишком серьёзны для шутки.

— Почему я должна вам верить? — прошептала, чувствуя, как голос становится всё тише. — Может, вы работаете на них?

Его губы искривились в дьявольской усмешке. Такой, что у меня волосы на затылке встали дыбом. Этот мужчина явно не менее опасен, чем те, кто сейчас пытаются меня выловить.

— Если бы я работал на них, ты бы уже была мертва. А я всё ещё предлагаю тебе единственный безопасный выход.

В голове крутились мысли со скоростью света. Сделка с дьяволом. Именно так это и выглядело. Но альтернатива была ещё хуже.

— И как долго это продлится? — спросила наконец, стараясь, чтобы голос не дрожал. От нервозности начала закусывать ноготь большого пальца.

— Пока я не разберусь с этой ситуацией. Может, месяц, может, год. Зависит от обстоятельств.

Год? Жить с чужим человеком под одной крышей целый год? Это звучало как изощрённая форма пытки.

— Решай. У тебя пять минут. Если согласна, то жду тебя с паспортом внизу у машины. Если нет, то сама решай свои проблемы.

Договорив, он развернулся и вышел. А я замерла посреди коридора, судорожно прикидывая, насколько это может быть ловушкой, чтобы меня без шума вывезти куда-нибудь в лес. Но времени на обдумывание практически не было.

Ладно, черт с ним. Забежала в комнату и стала натягивать джинсы. Те самые, которые, как и я, стали свидетелями преступления. С сожалением потеряла небольшое пятно в районе коленки, которое так и не отстиралось, как бы я его ни застирывала. Ничего. Если мне действительно перестанет угрожать опасность, то либо вышью на них рисунок, либо сделаю их «рваными». Не впервой так приводить вещи в божеский вид, продлевая им жизнь.

Спускаясь по лестнице, чувствую, как сильно стучит сердце от волнения. Я ведь три дня не выходила на улицу. Оттого яркое весеннее солнце слепит глаза, стоит мне только ступить на мокрый от тающего снега асфальт.

Оглядываюсь по сторонам. За каждым углом мерещатся тени. Но двор пуст. Только бабушка на лавочке у соседнего подъезда читает газету, да мальчишки гоняют мяч на детской площадке. Обычный день. Обычный двор. Только моя жизнь перестала быть обычной.

Взгляд упирается прямо в чёрную машину, припаркованную у выхода. Я в машинах не разбираюсь, для меня они все на одно лицо, но этот внедорожник выглядит так, словно стоит больше, чем я заработаю за всю свою жизнь. Новый, блестящий, хищный. Чёрный металл слепит на солнце, тонированные стёкла скрывают салон.

Возле капота, опираясь на него спиной, стоит Молчанов.

Между губ у него зажата сигарета. Тонкая струйка дыма поднимается вверх, тает в воздухе. Он смотрит куда-то в сторону, на дорогу, и выглядит абсолютно расслабленным. Словно не он только что вломился в квартиру к незнакомой девушке и предложил ей фиктивный брак. Словно это обычное его утро.

Руки в карманах брюк, поза непринуждённая, хозяйская.

Заметив меня краем глаза, переводит взгляд. И смотрит так, словно я пустое место. Ни эмоций, ни интереса, ни намёка на то, что между нами только что состоялся разговор, пере-

вернувший мою жизнь. Мне становится неуютно под этим ледяным взглядом. Я чувствую себя муравьём под микроскопом: мелкая букашка, не стоящая внимания.

— Садись в машину, — бросает он безразлично и отталкивается от капота.

Даже не спрашивает, согласилась ли я. Просто констатирует факт. Будто иначе и быть не могло. И от этой самоуверенности внутри закипает злость, но страх тут же её гасит. Выбора у меня действительно нет.

Подхожу к машине, дёргаю ручку задней двери.

— Вперёд садись. Не такси, — раздаётся скучающий голос.

Перехожу к передней пассажирской двери, открываю. Внутри пахнет кожей и дорогим парфюмом — терпким, мужским, с нотками табака и чего-то древесного. Салон кремового оттенка, чистый, идеальный. Я со своими дешёвыми джинсами и старой курткой чувствую себя здесь чужой. Осторожно сажусь, словно могу случайно что-то испачкать, и пристёгиваю ремень.

Молчанов занимает своё место, заводит двигатель. Машина оживает с едва слышным урчанием. Мощным, но сдержанным. Как и её хозяин.

Выезжаем со двора. Я смотрю в окно на проплывающие мимо дома и думаю о том, что, возможно, вижу их в последний раз. Глупая мысль, но отделаться от неё не могу.

— И всё-таки я бы хотела узнать. Почему вы вдруг решили мне помочь? И какая у вас выгода от этого?

— Будешь задавать много вопросов — высажу на обочине.

— Но я бы хотела...

Он посмотрел на меня таким взглядом, от которого захотелось спрятаться под сиденье и не вылезать оттуда до окончания поездки. Пришлось испуганно притихнуть.

Дальше едем молча. Он не говорит ни слова, я тоже боюсь нарушить тишину. Только стрелки на приборной панели дрожат, да за окном мелькают улицы. Я даже не спрашиваю, куда мы едем — догадываюсь. Но когда машина паркуется возле невзрачного здания с вывеской «Отдел ЗАГС», внутри неприятно всё сжимается.

Выходим из машины. Я послушно иду за ним, как привязанная. Внутри прохладно и пахнет пылью и бумагами. Очередь, кабинеты, уставшие сотрудницы. Но мы проходим куда-то вбок, к неприметной двери, и Молчанов уверенно стучит.

Нас проводят в маленький кабинет. Женщина в синем костюме протягивает нам бланки.

— Заполните заявление.

Я смотрю на чистый лист, и руки начинают дрожать. Фамилия, имя, отчество. Паспортные данные. Подпись. Я беру ручку, вывожу буквы, стараясь, чтобы почерк был ровным. Молчанов заполняет свой экземпляр быстро, не глядя, словно расписывается в квитанции об оплате коммунальных услуг.

Когда заявления готовы, я выдыхаю с облегчением.

— Всё, теперь я могу ехать домой? — спрашиваю с надеждой.

— Сиди, — бросает он, даже не взглянув на меня. — Нас сегодня распишут.

— Сегодня?! — вырывается у меня громче, чем следовало. Сотрудница ЗАГСа поднимает глаза, но тут же отводит их. — Но... Разве после подачи заявления не нужно ждать определённое количество дней?

Молчанов молчит. И молчит так долго, что я уже и не жду ответа. Но когда я открываю рот, чтобы повторить вопрос, он произносит:

— Нас распишут в срочном порядке. Я договорился.

Вот так просто. Договорился. Как будто это не брак, а запись к стоматологу. Я сглатываю. В горле пересохло. Голова идёт кругом от скорости происходящего. Ещё утром я лежала на диване и боялась выйти в магазин, а через несколько часов стану чьей-то женой. Женой чело-

века, которого вижу второй раз в жизни. Который явно как-то связан с бандитами и при этом работает в ФСБ.

— Нам придётся подождать, — добавляет он, доставая телефон. — Где-то час.

Час. Мы сидим в пластиковых креслах в коридоре. Я комкаю край куртки, он уткнулся в телефон. Мимо проходят счастливые пары с цветами, а мы — два чужих человека, запертых в одной клетке.

Я украдкой рассматриваю его. Жёсткий профиль, скулы, чёткая линия челюсти. Рука, держащая телефон, крупная, с длинными пальцами. На безымянном — ни кольца, ни намёка на него. Интересно, он вообще когда-нибудь улыбается по-настоящему, а не этой дьявольской усмешкой?

— Долго ещё будешь пялиться? — не отрываясь от экрана, спрашивает он.

Отворачиваюсь, чувствуя, как щёки заливают краской. Чёрт. Заметил.

Время тянется бесконечно. Я успеваю испугаться, успокоиться и снова испугаться. Успеваю мысленно попрощаться со своей старой жизнью. И когда нас, наконец, приглашают в зал, я встаю на ватных ногах.

Зал небольшой, но светлый. Цветы в вазах, красная дорожка, столик с документами. Молодая сотрудница с приветливой улыбкой жестом приглашает подойти.

Мы встаём рядом. Чувствую исходящее от него тепло, слышу запах парфюма. Рядом с ним я кажусь себе маленькой и незащищённой. Ярослав возвышается надо мной, как скала.

Сотрудница начинает говорить красивые слова о любви и семье. Я слышу её как сквозь вату — слишком громко стучит сердце.

— Согласны ли вы, Молчанов Ярослав Алексеевич, взять...

— Согласен, — перебивает он. Сухо. Безэмоционально.

Сотрудница на мгновение теряется, но профессиональная улыбка возвращается на её лицо. Она поворачивается ко мне.

— А вы, Кира...

Делаю вдох. М-да, не думала, что моя свадьба будет проходить так. Не об этом я мечтала.

— Согласна, — выдыхаю спустя несколько бесконечных секунд.

Голос звучит тихо и обречённо. Ловлю короткий, колющий взгляд Молчанова. Оценивающий. Ему важно было, чтобы я не передумала в последний момент.

— Объявляю вас мужем и женой, — провозглашает сотрудница с той же тёплой улыбкой. — Можете поцеловать супругу.

Замираю.

Смотрю на него. Он на меня. В его глазах нет ни намёка на неловкость. Только лёд и сталь.

И я цепенею, когда он делает шаг в мою сторону.

Глава 6. Выбирай

Он замирает в сантиметре от моих губ. Я чувствую его горячее, с едва уловимым запахом табака и кофе, дыхание. Сердце колотится где-то в горле. Он что, серьезно меня собрался целовать?!

Но не успеваю я как-либо среагировать, Ярослав наклоняется к моим губам так близко, закрывая меня от регистраторши, что со стороны может действительно показаться, будто мы целуемся.

— Расслабься. Не в моих правилах целовать девушек не в моем вкусе, — шепчет он тихо, чтобы услышала только я.

И отстраняется.

Стою, чувствуя, как щёки заливает краской. И от обиды, и от облегчения одновременно. Меня слегка потряхивает, словно я выпила слишком много кофе на голодный желудок. С одной стороны — слава богу, что не пришлось пережить этот фарс до конца.

С другой, что значит «не в моём вкусе»?! Я вообще-то очень не плоха собой! Если меня ещё накрасить и приодеть, то вообще глаз не оторвать. Внешностью я практически копия своей матери, а она у меня хоть и с ужасным характером, но невероятная красотка. Почему-то эти слова меня задели. Как, наверное, задели бы и любую девушку.

Регистраторша смотрит на нас с умилением, явно поверив в разыгранный спектакль. Она протягивает нам свидетельство о браке, ещё пахнущее типографской краской. Я беру его дрожащими пальцами и пробегаю взглядом по строчкам.

Молчанов Ярослав Алексеевич. Взгляд цепляется за дату его рождения. Так это же... Я быстро прикидываю в уме. Ему всего двадцать восемь.

А выглядит на все тридцать пять, а то и старше. Эти жёсткие складки у губ, тяжёлый взгляд, эта манера говорить так, будто он в этой жизни уже видел всё. Хотя чего удивляться? Он с бандитами как-то связан и в ФСБ работает.

Но спрашивать про возраст, конечно, не решаюсь. Он и так сегодня наговорил мне достаточно.

Мы выходим из ЗАГСа. Весеннее солнце всё так же слепит, но мне кажется, что мир изменился. Я теперь замужняя женщина. За человеком, которого не знаю. Но который пообещал решить вопрос.

Молчанов молча открывает дверь машины, я сажусь. Какое-то время мы едем в тишине, и я собираюсь с духом, чтобы задать вопрос, который вертится на языке с того самого момента, как я вышла из квартиры.

— Ярослав Алексеевич, — начинаю осторожно.

— Можно просто Ярослав или Яр, — перебивает он, глядя на дорогу. — Мы теперь женаты. Хоть и фиктивно.

— Ярослав, — поправляюсь я. — Нам же не обязательно жить вместе?

Он бросает на меня короткий взгляд.

— Пока обстоятельства не требуют — нет. Можешь жить у себя.

Выдыхаю с облегчением. Камень с души. Хотя бы не придётся делить с ним жилплощадь. Я уже открываю рот, чтобы уточнить детали, как вдруг замечаю, что мы едем совсем не в сторону моего района. За окном проплывают незнакомые улицы, торговые центры, офисные здания.

— Куда мы едем? — настороженно спрашиваю.

Тишина.

— Ярослав, я спросила — куда мы едем?

Он молчит, уставившись на дорогу. И вид у него такой, будто вопросов он не слышит в принципе. Или слышит, но считает ниже своего достоинства отвечать. Вообще, он словно по жизни немногословен. Или только со мной?

Машина паркуется у огромного торгового центра. Стекланный фасад сверкает на солнце, дорогие машины вокруг, люди с пакетами известных брендов. Я здесь никогда не была. Не мой формат.

— Выходи, — бросает он коротко и сам открывает дверь.

Послушно выбираюсь из машины и плетусь за ним, теряясь в догадках. Зачем мы здесь? Он идёт уверенно, будто хорошо знает дорогу, и вскоре мы оказываемся перед ювелирным салоном. Витрины слепят золотом и бриллиантами, цены наверняка такие, что у меня волосы зашевелились бы, если бы я решилась зайти сюда одна.

Молчанов заходит внутрь, я за ним. Продавщица с идеальным макияжем тут же подсказывает к нам с профессиональной улыбкой.

— Добрый день! Что желаете?

Ярослав даже не смотрит на неё. Он показывает пальцем в первое попавшееся кольцо под стеклом.

— Дайте померить вот это.

Продавщица проворно достаёт золотое кольцо самого простого дизайна. Ярослав надевает его на безымянный палец левой руки. Кольцо садится как влитое. Словно всю жизнь там было. Он крутит его, рассматривая, но без всякого интереса. Весь «выбор» занял не больше минуты.

— Беру, — кивает он продавщице и только потом поворачивается ко мне.

Его взгляд скользит по моим рукам, сжатым в кулаки от напряжения, и останавливается на моём пустом безымянном пальце.

— Выбери кольцо, — говорит он тем же безразличным тоном. — Любое. Главное — недолго.

— Зачем? — вырывается у меня. — Я не думаю, что...

— Кира, — перебивает он, и в голосе появляются стальные нотки. — Ты слышала, что я тебе сказал?

— Слышала, но...

— Тогда выполняй без лишних вопросов. Привыкай, если я что-то сказал, то ты должна это выполнить.

Я сглатываю. Спорить бесполезно. Этот человек явно не привык, чтобы ему перечили. И у меня нет ни сил, ни желания выяснять, что будет, если я продолжу настаивать.

Ярослав отходит в сторону, достаёт телефон и начинает с кем-то разговаривать. Сухо, отрывисто, явно по работе. А я остаюсь у витрины, чувствуя себя полной дурой.

Продавщица смотрит на меня выжидающе.

— Девушка, вам помочь с выбором?

— Я сама, — бормочу и начинаю рассматривать кольца.

Они все какие-то... кричащие. Слишком дорогие, слишком вычурные, слишком блестящие. Я не ношу украшения. У меня не только нет на них денег, но присутствует страх потерять дорогое украшение. Однажды в детстве я случайно потеряла одну золотую серьгу, за что мать меня избила. С тех пор мой максимум — это дешёвая бижутерия с рынка.

Взгляд цепляется за самый скромный вариант в углу витрины. Тоненькое серебряное колечко, без камней, с едва заметным плетением. Оно смутно напоминает обручальное, если сильно прищуриться. Цена, наверное, тоже самая низкая здесь. Даже если потеряю, то будет не так жаль. Да и денег на другое кольцо у меня нет.

— Можно посмотреть вот это? — указываю я.

Продавщица с едва заметной скептической складкой у губ достаёт кольцо. Примеряю, оно сидит чуть свободно, но вроде не спадает.

Ярослав заканчивает разговор и подходит ко мне. Смотрит на мою руку с этим жалким колечком, и на его лице появляется то самое выражение: усталое, снисходительное. Он тяжело вздыхает, будто я нашкодивший ребёнок.

— Девушка, — обращается он к продавщице, даже не глядя на меня. — Давайте вот это кольцо.

Он указывает на витрину. Я прослеживаю за его пальцем и вижу изящное платиновое кольцо с тремя маленькими, но очень чистыми бриллиантами. Мельком замечая ценник из шестизначной суммы и чувствую, как у меня внутри всё обрывается.

— Вы с ума сошли? — вырывается у меня громче, чем следовало. — Я такое не возьму! У меня нет столько денег. И меня за такое кольцо в тёмном переулке грохнут!

Он переводит на меня взгляд. Холодный, спокойный, чуть насмешливый.

— А ты по тёмным переулкам больше не ходи, — произносит он, и мне на секунду кажется, что его челюсть заметно напряглась. — И меньше проблем будет.

И прежде чем я успеваю возразить, он протягивает продавщице карту.

— Оплачу вместе с моим.

— Но... — пытаюсь вставить я.

— Кира, — обрывает он. — Просто замолчи.

И я замолкаю. Чувствую себя неловко, но понимаю, что с ним сейчас спорить бесполезно. А ещё потому, что у меня закончились аргументы. Этот человек делает всё по-своему, и меня в его планах нет даже как фактора, с которым нужно считаться.

Продавщица упаковывает кольца, я смотрю на это как в тумане. Через несколько минут мы выходим из салона, и Ярослав протягивает мне бархатную коробочку.

— Надень. И не снимай. Обручальные кольца должны быть на месте, если кто-то следит.

Я послушно открываю коробочку. Кольцо переливается в солнечных лучах, бриллиант играет гранями. Оно безумно красивое. И безумно чужое на моей руке.

Надеваю. Сидит идеально. Как будто всю жизнь там было.

— Спасибо, — тихо говорю я, не зная, как реагировать.

Он уже идёт к машине, даже не обернувшись.

— Садись. Отвезу тебя домой, — бросает через плечо.

Я смотрю на кольцо, на свою руку, на его широкую спину в чёрной водолазке. И думаю о том, что этот человек для меня сплошная загадка. Он пугает меня до дрожи в коленях. Он унизил меня в ЗАГСе. Он разговаривает со мной как с мебелью. Но при этом он единственный, кто меня защитил. И единственный, кто сейчас обо мне заботится. Пусть даже так холодно и отстранённо.

И ещё я думаю о том, что в двадцать восемь лет у него глаза человека, который видел слишком много. Который уже устал от жизни. Который, кажется, разучился чувствовать что-то, кроме этой ледяной скуки.

— И все же мне сложно понять. Для чего покупать настолько дорогое кольцо для фиктивного брака? Это никак не вяжется с моей логикой.

— Я действую не по логике девчонки, которая мало в чем разбирается. Если кто-то из людей Гаспарова заметят на тебе дешманское кольцо, то возникнут вопросы. А действительно ли я буду тебя защищать, если они решат тебя грохнуть? Такие люди знают, что я бы не стал экономить на своей женщине.

Глава 7. Кофе

Проспала! Эта мысль приводит меня в ужас. Встаю с кровати и бегу в ванную, по пути проверяя, нет ли пропущенных от Молчанова. Вчера он дал мне кнопочный телефон с симкой. Сказал с этого номера больше никому не звонить. Только ему. По пустякам просил не беспокоить.

А ещё он предупредил, что сегодня отвезет меня в институт. Во сколько заедет, не предупредил, но я боюсь заставлять меня ждать. Я и так слишком многим ему теперь обязана. Теперь остается только надеяться, что моё поспешное решение довериться этому мужчине не выйдет мне боком.

Экран засветился, показывая входящее смс: «Через десять минут буду».

Отлично. Каких-то двенадцать минут случайного сна лишили меня законной чашки чая и бутерброда. К приезду Молчанова успеваю расчесаться, одеться и бегом доложить недостающие тетради с конспектами в сумку.

Накидываю куртку, закрываю дверь и впопыхах выбегаю на улицу. У машины едва не падаю, поскользнувшись на подмерзшей луже.

— Ты всегда собираешься в такой спешке? — спрашивает прохладным тоном, выгибая бровь.

Мне вдруг становится стыдно. Ярослав выглядит опрятно, собранно и строго. Будто и не ложился спать вовсе. И я — кроссы не зашнурованы, куртка не застегнута, шапка набекрень. Мы из разных миров. Совершенно разные и не подходим друг другу. От этого неловкость становится гуще.

По дороге в универ снова молчим. Адрес, куда меня вести, я не называла. Но едем мы в нужном направлении. А это значит, что он пробивал меня через свою работу.

Любопытство пересиливает, и хоть он ни раз предупреждал не задавать ему глупых вопросов, но я всё равно нарушаю тишину.

— И как много ты узнал обо мне информации?

Очень не вовремя, на весь салон машины, раздается урчание из моего желудка.

— Только самое основное, — выдавливает скупю.

Замечательно. Ему хоть было известно, на ком он женился, а я знаю только его имя, должность и сколько ему лет.

Желудок снова издаёт душераздирающий вой китов, и мы оба предпочитаем делать вид, что ничего не слышим.

Яр тормозит рядом с центром. Старое здание, явно не мой университет. Я настораживаюсь, но Молчанов глушит двигатель и, даже не взглянув на меня, бросает:

— Подожди в машине. Скоро вернусь.

Я остаюсь одна в тёплом салоне, пахнущем ароматизатором и кожей. Смотрю на часы. До первой пары ещё есть время. Пока жду Ярослава, решаю повторить лекции, которые скинула одногруппница. Преподаватель по праву с меня три шкуры сдерет сегодня, если я не расскажу темы, которые пропустила за эти дни.

Мой муж — боже, как странно и нелепо это звучит — возвращается минут через пять. С двумя картонными стаканами кофе и пакетом из пекарни. Кладет пакет на приборную панель прямо перед моим носом. Кофе ставит в подстаканники.

— Ешь, — коротко бросает он, не глядя.

— Это мне? — широко раскрыв глаза, смотрю на его профиль.

— Нет, я, блять, себе купил, а тебе сказал съесть, — произносит так резко и бросает колющий раздраженный взгляд на меня, что я невольно съеживаюсь на сиденье.

Становится неловко оттого, что действительно задаю глупые вопросы.

— Спасибо, — произношу спустя минуту. Закусываю губу, собираясь с храбростью вновь заговорить с ним. — Мне приятна твоя забота, но я могла и сама в буфете взять перекусить.

— Не обольщайся. Я каждое утро заезжаю в эту кофейню за американо.

Мне хочется тоже сказать ему что-то, что могло бы его задеть. Но как назло ничего не приходит в голову. Поэтому я лишь подхватываю пакет, сумку и кофе и выхожу из внедорожника.

Яр даже не смотрит в мою сторону. Просто дает по газам, и машина срывается с места. На душе вновь выпал какой-то неприятный осадок, будто он просто подвозил незнакомца с остановки.

В универе успеваю ворваться в аудиторию за минуту до звонка. Плюхаюсь на своё место у окна и только тогда выдыхаю. Кофе всё ещё горячий, круассан тёплый. Пока препод возится с журналом, я быстро отпиваю пару глотков и откусываю кусочек, радуясь, что на последней парте могу перекусить и остаться незамеченной.

День тянется медленно, но привычно. Лекция по праву, потом семинар по истории, потом окно в расписании. Обычная рутина, от которой я отвыкла за эти дни.

Кольцо, несмотря на предостережения Молчанова, я сняла перед первой парой и спрятала в самый дальний карман джинсов.

Слишком оно дорогое. Слишком заметное. И вопросы... Господи, какие пойдут вопросы, если кто-то заметит. «Кира, ты вышла замуж? А кто он? А когда успела? А почему не позвала?» И самое страшное, а что пойдут слухи, что «по залёту». Потому что в моём возрасте и с моей репутацией тихой хорошистки только залёт может объяснить такой скоропалительный брак.

Ну уж нет. Этой радости сплетницам я не доставлю.

Я вообще не люблю быть в центре внимания. Наверное, потому что выросла одна. Не одна, конечно, с матерью, но это хуже, чем одной. Она вечно недовольна, вечно критикует и напоминает, что я ей должна за то, что она меня растит. Друзей у меня особо не было. Гулять и выходить из дома родительница запрещала, в школе тоже как-то не сложилось, да и не умею я быстро сблизиться. Проще держаться в тени, слушать музыку в наушниках и делать вид, что никого вокруг нет.

Внешность у меня, конечно, заметная. Материнскими генами природа не обидела. Но я научилась делать так, чтобы на меня не смотрели. Одежда попроще, волосы в пучок или хвост, и ни на кого не обращаешь внимания. И вроде работает.

Ко второй паре пришла Лена. Моя единственная близкая подруга в универе. Не сказать, что мы лучшие подруги, но общаемся вполне хорошо. Девушка влетает в аудиторию, когда мы уже рассаживаемся, и плюхается рядом, с ходу начиная тараторить шёпотом:

— Ты где была три дня?! Я звонила, писала — ноль эмоций. Ты чего, заболела? Почему не сказала? Я бы пришла, проведала.

— Всё нормально, — шепчу в ответ, косясь на преподавателя. — Температура была. Провалилась всё это время.

— А сейчас нормально? — она вглядывается в моё лицо. — Бледная какая-то. Точно всё хорошо?

— Да, Лен, правда. Потом расскажу.

Она недоверчиво хмыкает, но отстаёт. До конца пары чувствую на себе её любопытные взгляды, но делаю вид, что не замечаю.

После пары мы выходим в коридор. Следующая лекция через час, можно посидеть на подоконнике, поболтать. Лена тут же заводит старую песню:

— Кир, ну рассказывай. Я же вижу, что-то случилось. У тебя вид такой... потерянный, что ли. Или испуганный.

— Всё нормально, — повторяю я, но голос звучит неубедительно даже для меня.

— Ну да, конечно, — закатывает она глаза. — Ладно, можешь пытаться меня избегать. Я всё равно узнаю.

Я открываю рот, чтобы придумать очередную отмазку, но замечаю парня.

Он идёт по коридору в нашу сторону. Высокий, широкоплечий, темноволосый, обычная толстовка, джинсы. Ничего особенного, но когда он поворачивает голову и наши взгляды встречаются...

У меня ёкает сердце.

Его глаза. Холодные. Стеклянные. Безразличные. Те самые, что смотрели на меня в тёмном переулке.

Кожа покрывается мурашками. По спине пробегает ледяной поток. Нет. Не может быть. Это просто совпадение. Мало ли у кого могут быть такие глаза? Серые, холодные, пустые... Это просто похоже, мне просто показалось.

Он подходит ближе. Совсем близко. Останавливается прямо передо мной.

— Привет, — говорит он, и голос обычный, совсем не страшный. Даже приятный. — Ты Кира, да? С параллельного потока?

Я сглатываю. Язык прилипает к нёбу.

— Наверное, — выдавливаю еле слышно.

— А я Дима. С вашего потока, только в другой группе. — Он улыбается. Улыбка у него открытая, дружелюбная. Ничего общего с тем чудовищем. — Смотрел на тебя весь семестр, всё подойти не решался. Думал, может, познакомимся?

Лена рядом оживает, бросает на меня многозначительный взгляд. Мол, видала? А ты говоришь, что всё нормально.

Я пытаюсь улыбнуться в ответ, но губы не слушаются. Взгляд сам собой падает на его руки. Обычные руки. Без шрамов. Чистые пальцы. Спокойные, не дёрганные.

Он перехватывает мой взгляд и вдруг смотрит на мои. На безымянный палец левой руки.

Секунда. Всего одна секунда, но я успеваю заметить, как его глаза на долю мгновения сужаются, словно он что-то ищет, проверяет.

Инстинктивно я отдёргиваю руку за спину, пряча в складках толстовки. Но его губы снова растягиваются в улыбке. Такой же открытой, так же дружелюбной.

— Ну так что? Может, сходим куда-нибудь после пар? Кофе выпьем, поболтаем?

Лена толкает меня локтем в бок.

— Она согласна! — щебечет за меня. — Правда, Кир?

Я смотрю в эти глаза. Холодные, стеклянные. И не могу понять — это его сын или мне просто кажется? Мало ли у кого бывают такие глаза и похожие черты лица? Я уговариваю себя, что это паранойя, но сердце всё равно колотится где-то в горле.

Глава 8. Договорился

Дима смотрит выжидающе. Лена сияет рядом, явно довольная своей ролью свахи. А я стою и лихорадочно соображаю, что сказать.

Он правда симпатичный. Если честно, очень даже. Высокий, широкие плечи, приятная улыбка. В другое время, если бы не все эти проблемы с убийством, я бы, наверное, согласилась. Может, даже выделила бы пару часов своего плотного графика из учебы и работы. Но прямо сейчас...

Сейчас у меня брак. Хотя и фиктивный, но брак. И бандиты, которые, возможно, все же будут наблюдать за нашими с Молчановым «отношениями». А значит, мне нельзя светиться ни с одним парнем.

— Извини, — выдавливаю из себя, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я сейчас очень занята. Учёба, работа... Совсем нет времени.

Дима не сдаётся. Улыбка становится шире.

— Так я и не предлагаю тебе выйти замуж. Просто кофе. Час времени. Неужели даже часа не найдется?

Лена снова толкает меня локтем.

— Кир, ну ты чего? Сходи, развейся. Ты последние дни как в воду опущенная.

Я бросаю на неё предупреждающий, недовольный взгляд. Она не понимает. Она вообще ничего не понимает.

— Правда, не могу, — говорю твёрже. — Извини, Дима.

Он пожимает плечами. Вроде без обид, но в глазах мелькает что-то... разочарование? Или что-то другое? Я не могу понять.

— Ну, тогда хоть номер дам. Напишешь, если вдруг надумаешь.

Я колеблюсь. Отказать совсем — значит привлечь лишнее внимание. Лена уже сейчас смотрит на меня как на сумасшедшую. Если я буду совсем упираться, она точно что-то заподозрит и начнет выпытывать.

— Хорошо, — говорю осторожно. — Напиши свой номер. Я сама решу, если появится время.

Он кивает, достаёт телефон, диктует цифры. Послушно забиваю в контакты, хотя уже знаю, что не напишу. Ни сегодня, ни завтра, никогда.

— Буду ждать, — говорит он напоследок, и его взгляд снова скользит по моей руке, спрятанной за спину.

Дима уходит. Я смотрю ему вслед и чувствую, как внутри всё дрожит.

— Ты чего? — Лена поворачивается ко мне, уперев руки в бока. — Такого парня динамишь! Ты видела, какой он? Вылитый ходячий секс.

— Лен, — поворачиваюсь к ней. — Пожалуйста, больше не отвечай за меня. Никогда. Ладно?

Она удивлённо хлопает глазами.

— Да я же помочь хотела. Ты вечно одна сидишь, никуда не ходишь. Даже в своем клубе ни с кем не знакомишься. Думала, обрадуешься.

— Я не обрадовалась. В клубе я работаю, мне не до знакомств. И вообще, есть причины, почему я многих отшиваю.

— Какие причины? — она прищуривается. — У тебя кто-то есть? Ты встречаешься с кем-то? И мне не сказала?

— Нет, — слишком быстро отвечаю. — Просто... Лен, не сейчас. Потом расскажу.

Она вздыхает, но спорить не лезет. Мы идём на следующую пару, и всю лекцию я чувствую её взгляд боковым зрением. Думает, наверное, что у меня крыша едет.

Выхожу в коридор после пары, достаю кнопочный телефон Молчанова. Экран засветится от входящего сообщения.

«Я частично договорился. Можешь ходить спокойно. Главное, возвращайся домой до темноты. Если что-то случится — напишу».

Читаю два раза. Три.

Частично договорился. Так быстро? Это значит, что Гаспарову я больше не нужна? Или они просто отступили на время? От этой мысли становится не по себе.

И до темноты. Значит, свобода, но не полная. Комендантский час, как у ребёнка.

Прячу телефон в карман и долго смотрю в окно на серое весеннее небо. Ходи спокойно. До темноты. Но в клубе я работаю только в ночные смены, мне так или иначе все равно придется возвращаться домой под утро.

В ту ночь я как раз и возвращалась домой пешком с работы, потому что денег на такси не хватило. Решила сэкономить на свою голову.

И как будто теперь всё снова нормально. Как будто моя жизнь снова стала обычной, но тревога где-то глубоко в душе так и не покинула меня.

Глава 9. Смена

— Кира, поставь табличку с бронью за третий и пятый столик, — говорит мне в наушник Елена Викторовна, и мне приходится прервать разговор с Ритой за барной стойкой.

Пока ещё в клубе не так оживлённо, но постепенно народу становится всё больше.

Клуб «Эндорфин» — место с претензией на элитность. Мягкие диваны, приглушённый свет, барная стойка во всю стену, за которой Рита с остальными барменами ловко жонглирует шейкерами. На потолке медленно вращаются зеркальные шары, по стенам бегают неоновые полосы. Дорого, красиво, пафосно. И абсолютно не моё.

Я здесь уже полтора года. И каждый раз, переступая порог, ловлю себя на мысли, что это лучшее место, что у меня было из работы. Звучит дико, если учесть, что я ненавижу подобные места. Ненавижу громкую музыку, от которой к концу смены гудит голова. Ненавижу пьяных посетителей, которые считают, что официантка — это приложение к меню. Ненавижу бегать туда-сюда по сто раз, хотя за столько лет привыкла.

Но платят здесь хорошо. Очень хорошо. Чаевые, смена графика под учёбу, возможность иногда присесть на пять минут в подсобке и выдохнуть. Для девчонки, которая с семнадцати лет сама за себя, это роскошь.

Отец умер двенадцать лет назад, и тогда мне пришлось повзрослеть. Ведь мать вообще редко вспоминает о моём существовании. Пара звонков в год, чтоб поздравить с днём рождения и попросить, если ей что-либо надо. Я давно перестала обижаться. Обида — это когда ждёшь чего-то другого. А я не жду. Чем меньше мы общаемся, тем больше нервных клеток себе сохраняю.

Я работаю с двенадцати лет. Первые деньги зарабатывала с расклейки объявлений. Мёрзлыми пальцами расклеивала бумагу под прицелом злых дворников. Потом раздавала листовки, потом убиралась в маленьком кафе, потом была кассиром в супермаркете, и теперь официанткой тут. Здесь хотя бы платят вовремя и не орут за малейшую ошибку.

Таблички с бронью расставлены. Поправляю салфетки на третьем столике и краем глаза ловлю своё отражение в зеркальной колонне.

На работу приходится подкрашиваться. Совсем чуть-чуть: тушь, блеск для губ, румяна либо хайлайтер. Иначе Елена Викторовна говорит, что я похожа на больную и отпугиваю клиентов. Длинные, тёмные, непослушные волосы приходится собирать в высокий хвост. Так я выгляжу собраннее и как-то... миленько, как говорит Рита. Наверное, поэтому ко мне так липнут пьяные мужики.

— Кира, шестой столик просит повторить, — голос Елены Викторовны в наушнике возвращает в реальность.

— Приняла.

Иду на кухню, передаю заказ. Повар Саша кивает, даже не оборачиваясь. Он всегда так делает: кивает, даже если не видит меня. Мы все здесь как шестерёнки в одном механизме. Каждый знает своё дело.

Потом за четвёртый столик двое молодых парней, заказали коктейли. Рита уже смешивает, я жду у барной стойки. Наблюдаю, как она работает. Быстро, красиво, с искоркой в глазах. Рита любит это дело. В отличие от меня.

— Лови, — протягивает мне два бокала. — Осторожно, там «Лонг-Айленд», тяжёлый.

— Спасибо.

Несу к четвёртому. Парни провожают меня взглядами, один даже пытается что-то сказать, но я делаю вид, что не слышу. К такому привыкаешь. На вторую неделю работы в «Эндорфине» я научилась отключать слух на комплименты и приставания. Но внутри всё равно каждый раз становится мерзко. Будто липкая паутина оседает на коже.

— Милая, а ты чего такая неразговорчивая? — доносится откуда-то сбоку.
Делаю вид, что очень занята. Ускоряю шаг.

В наушнике снова голос администратора. Пятый столик готов оплатить. Девятый просит меню. Третий хочет пересесть, потому что им мешает колонка. Рутинка. Привычная, надоевшая, но родная.

В какой-то момент замечаю, что у барной стойки назревает конфликт. Рита стоит, уперев руки в бока, а перед ней высокий молодой парень. Очень привлекательный, сразу видно, при деньгах. Одет со вкусом, но не пафосно. Синие джинсы, светлая футболка, свободная кофта на замке, рукава закатаны. Тёмные волосы немного взлохмачены. И глаза — злые. Не пьяные, нет. Именно злые.

— Я сказал, повтори, — цедит он сквозь зубы.

— А я сказала, что бар закрыт по техническим причинам на десять минут, — Рита не уступает. — Подождёте, как все.

— Мне плевать. Ты должна выполнять все прихоти гостей на своем рабочем месте.

Я замираю с подносом в руках. Такое здесь случается. Не часто, но случается. Пьяные, злые, уставшие. Обычно Рита умеет сглаживать углы. Но этот парень... Он не пьяный. Он просто бешеный.

Рита молча разворачивается и уходит в другой конец барной стойки. Парень сжимает кулаки, делает шаг вперёд, но его перехватывает охранник.

— Молодой человек, давайте выйдем, поговорим, — спокойно, но весомо.

Я выдыхаю. Кажется, пронесло.

Наушник молчит. Елена Викторовна, видимо, тоже наблюдает за ситуацией. В клубе на мгновение становится тише, но музыка быстро заполняет паузу.

Отворачиваюсь и иду к подсобке. Хочу пару минут передохнуть, а ещё нужно забрать салфетки для пополнения столиков. В кармане вибрирует телефон.

Проверяю сенсорный, но там пусто. Даже уведомлений нет. Но достаю кнопочный и холодею.

Двадцать восемь пропущенных.

Двадцать восемь.

Сердце проваливается в пятки, потом подскакивает к горлу, потом начинает колотиться где-то в висках. Вмиг становится тревожно. Мы две недели не созванивались и не виделись. Меня всё устраивало.

Смотрю на экран и не верю своим глазам. Двадцать восемь раз он пытался до меня дозвониться. А я... Я даже не слышала. Наушник со встроенной рацией, шум клуба, беготня. Я могла не слышать часами. Да и не привыкла я, что кто-то мне звонит.

Телефон снова вибрирует. Входящий вызов.

На экране высвечивается одно-единственное слово: «Молчанов».

Палец замирает над кнопкой ответа. Что-то внутри кричит: «Бери! Немедленно!». А что-то другое — ледяное и парализующее — шепчет: «Ты влипла. Ты влипла, Кира, по-крупному».

Спасибо за комментарии, мои дорогие! Прошу прощения за задержку, очень плохо работает интернет и VPN, мешая сделать озвучку главы. А без аудио сайт не дает опубликовать главу.

P. S. История про Риту и Никиту уже пишется в черновом варианте, поэтому не забудьте подписаться, чтобы не пропустить скандальную новинку на сайте)

- Хочу Маргариту.

- Какой объем вам сделать? Двести пятьдесят или четыреста миллилитров?

- Ты не поняла. Я хочу тебя. Чтоб ты раздвинула ноги и села мне на колени.

За три года работы барменом я повидала всякого. Но такой наглости от посетителя я ещё не видала. Мало того, что ведет себя как ублюдок, так ещё и принуждает меня переспать с ним.

Теперь, получив жесткий отказ, этот псих приходит в клуб каждую мою смену. Он преследует меня. Словно нашел себе новую забаву. Хочет сломать.

Только он не знает, что я уже четыре года стою на ногах, вопреки тому, что мир вокруг рухнул. Я не падаю. И перед золотым мальчиком на колени точно не встану.

Глава 10. Гнев

Я начала перезванивать Ярославу, но теперь он не брал телефон. Стало ещё тревожнее. А вдруг с ним что-то случилось и он звонил меня предупредить? О боже...

Возвращаюсь в зал, но телефон теперь держу при себе. Музыка долбит по ушам, поэтому я каждую минуту проверяю, не перезвонил ли мне Молчанов. Но экран так и продолжает оставаться черным.

— Кира, ты чего застыла? — голос Елены Викторовны в наушнике выдёргивает из оцепенения. — За первым столиком коктейль разлили, нужно убрать. Седьмой просит нарезку. Тоня одна не справляется, давай шустрее.

— Да, сейчас.

Убираю телефон в карман шорт и бегу к первому столику. Там действительно лужа сладкого ликёра на полу и недовольная парочка, которая даже не пыталась вытереть. Улыбаюсь, извиняюсь, собираю салфетки, вытираю. Внутри всё дрожит мелкой противной дрожью.

Руки потряхивает, когда я несу грязную посуду на кухню. Такое чувство знакомо с детства. Когда ты уходишь в соседний двор погулять на полчаса, а после кто-то из ребят говорит, что тебя искала мама. И ты уже знаешь, что сейчас будет. Что бы ты ни сделала дальше — всё неправильно. Бежать домой или задержаться, всё равно накажут одинаково.

Вот и сейчас так же. Только мама — это Молчанов. И его двадцать восемь пропущенных.

Пальцы сжимают тряпку сильнее, чем нужно. Выдыхаю. Пока нужно думать о работе. Как закончу смену, так буду разбираться со своим «мужем».

За девятым столиком принимаю заказ у четверых мужчин. Все прилично выглядят, никто не буйнит. Принимаю заказ, передаю на кухню, забираю нарезку, несу. Улыбаюсь. Киваю. Делаю вид, что всё в порядке.

Телефон молчит.

Иду к пятому столику, забираю пустые тарелки. В зале становится всё больше народу, дым коромыслом, музыка орёт так, что закладывает уши. Я двигаюсь между столиками и танцующими людьми, как заведённый механизм, а мысли крутятся вокруг одного: почему он не берёт трубку? Что случилось?

Потом резко чувствую чьё-то присутствие за спиной.

Слишком близко.

Я не успеваю даже обернуться, как кто-то пристраивается сзади, и я чувствую, как чужое тело прижимается ко мне. Трётся. Пахом прямо о мою попу. Волна кипящего гнева поднимается моментально.

— Ничего себе задница, — раздаётся пьяный голос прямо над ухом, перекрикивая музыку. — Охеренная, я тебе скажу. С такой можно и развлечься.

Меня передёргивает от отвращения. Дёргаюсь в сторону, пытаюсь вывернуться, но его руки уже ложатся на мою талию. Липкие, потные, тяжёлые.

— Руки убрал, — шиплю я, отдёргивая его ладони рывком.

Разворачиваюсь к нему лицом. Так безопаснее. Хотя бы не сможет ударить по голове или снова облапать. Передо мной мужик лет сорока, мятый пиджак, красное лицо, заплывшие глазки. Пьяный в стельку, но ещё держится на ногах.

— Ну, че ты ломаешься? — он ухмыляется, обнажая жёлтые зубы. — Ты ж сама понимаешь, что красивая. Вижу, как ты тут вертишься. Так чего строишь из себя целку, киса?

Пытаюсь отступить, но он снова хватает меня за руку, зажимая всё тело. Я дёргаюсь, тянусь к наушнику, чтобы позвать охрану, но пальцы соскальзывают, не могу нащупать кнопку. Музыка орёт, вокруг толпа, никто не видит, никто не обращает внимания. Обычная сцена, мало ли кто к официанткам пристаёт.

Но я знаю, что обычно охрана видит такие моменты по камерам. Они должны быть здесь через пару минут. Должны.

— Отвали, — говорю как можно твёрже. — Иначе сейчас охрана подойдет.

— Охрана? — он смеётся, дыша перегаром прямо в лицо. — Да уверен, они адекватные ребята. Все поймут, и отойдут в сторонку.

Делаю ещё шаг назад, но он дергает меня за руку к себе, и в этот момент происходит что-то непонятное.

Резкое движение. Чья-то рука хватается меня за шиворот и дёргает в сторону с такой силой, что я едва не падаю. Перед глазами мелькает широкая спина в чёрной кожаной куртке. И следом слышится глухой звук удара, хрип, и пьяный мужик отлетает на диван, схватившись за горло.

Я не успеваю проследить, куда именно пришёлся удар. Всё происходит за долю секунды. Мужик сидит, вжавшись в спинку дивана, и смотрит снизу вверх с ужасом в заплывших глазах.

А потом мужчина в куртке поворачивается ко мне, и я узнаю в нём Молчанова.

Его глаза полыхают гневом. Таким диким, таким первобытным, что они кажутся практически чёрными. Зрачки расширены, челюсти сжаты так, что желваки ходят под кожей. Он смотрит на меня всего секунду, но этого хватает, чтобы по спине пробежал табун ледяных мурашек.

Я никогда не видела его таким. Он всегда холодный, ледяной, бесстрастный. А сейчас... Сейчас это не человек, это разъярённый зверь.

Он не говорит ни слова. Просто снова хватается меня за шкуру и тащит куда-то. Бабочка от формы противно впивается в шею, придушивая.

— Куда ты меня тащишь?! — пытаюсь вырваться, но хватка стальная.

Яр тащит меня сквозь толпу, как маленького нашкодившего котёнка. Не больно, но унижительно. Очень унижительно. Краем глаза замечаю охранников. Они уже спешат к дивану, где сидит тот пьяный мудак, но смотрят почему-то на нас. На меня. И даже не пытаются вмешаться.

Конечно. Похоже, уже знают, кто он.

Вылетаем на улицу. Ночной воздух бьёт в лицо, холодный, резкий. Я пытаюсь отдышаться, но он уже открывает дверь своего внедорожника и буквально швыряет меня внутрь.

Я приземляюсь на пассажирское сиденье, больно ударяясь бедром. Дверь захлопывается. Молчанов обходит машину, садится за руль, заводит двигатель.

Тишина. Только урчание мотора.

Он даже не смотрит на меня. Просто выруливает с парковки и врывается в ночной город.

Я сижу, вжавшись в сиденье, и чувствую, как сердце колотится где-то в горле. Бабочка на шее всё ещё давит. Хочется что-то сказать, оправдаться, объяснить. Но язык прилип к нёбу.

Смотрю на его профиль. Жёсткая линия челюсти, стиснутые зубы, руки, побелевшие костяшками на руле. Он в ярости. В такой ярости, что даже страшно дышать.

Машина летит по ночным улицам, и я понятия не имею, куда мы едем.

Зато знаю, что его двадцать восемь пропущенных были не просто так. И сейчас мне за это что-то будет. Потому что спокойнее он не стал. В салоне волнами расплываются волны его кипящего гнева.

Решила порадовать вас искусством) Огромное спасибо за звездочки, рада, что вам нравится история!

У кого-нибудь есть предположения, почему Яр такой злой и звонил аж 28 раз?)

Глава 11. Работа

— Объясни мне, какого хера ты не отвечала на звонки, Кира? — произносит он обманчиво спокойным голосом, в котором слышится сталь. И лучше бы он кричал, чем разговаривал так.

— Я не слышала, — шепчу, и голос звучит жалко даже для меня самой.

— У тебя проблемы со зрением? — вдруг спрашивает он, и вопрос звучит так неожиданно, что я теряюсь.

Чего? При чём здесь зрение?

— Нет, — отвечаю осторожно.

Слышу, как на основной телефон пришло сообщение. Я знаю, что сейчас не время, что Ярослав и так взбешён, но посмотреть нужно будет в ближайшее время. Вдруг с работы?

— Тогда, может, с памятью проблемы? — продолжает он тем же ледяным тоном.

— Вроде не было, — от каждого его вопроса внутри всё сильнее разрастается липкий страх.

— Раз у тебя нет проблем ни с тем, ни с другим... — Он делает паузу, и я физически чувствую, как воздух в салоне сгущается. А потом взрывается: — *Тогда какого хрена ты попёрлась в эту дыру ночью, вместо того чтобы находиться дома?!!*

Я вздрагиваю так сильно, что, кажется, подпрыгиваю на сиденье. Голос бьёт по ушам, по нервам, по каждой клеточке тела. Смотрю на его руки. Пальцы впились в руль так, что кожа побелела из-за оттока крови.

— Я тебе сказал: до наступления темноты возвращаться домой. Получается, ты положила хер на мои слова?!

Обида вспыхивает внутри мгновенно, заливая всё горячей волной. Щёки горят, а потом жар ухает вниз, прокатывается по телу неприятной дрожью. Да, я послушалась. Но это касалось только трёх ночей в неделю. Только работы. Только моей жизни, которую я не собираюсь полностью менять из-за него.

— Ну, уж извините, что мне приходится зарабатывать деньги в этой дыре! — выплёвываю я, и голос дрожит от злости и унижения.

Я не собиралась оправдываться. Не собиралась объяснять ему, как мне тяжело. Но слова вылетают сами, и я не могу их остановить. Голова пустая, вакуумная, ни одной нормальной мысли, как лучше ответить. Только обида и страх.

Он замолкает. Я слышу только его тяжёлое, сбитое дыхание и урчание мотора.

Чтобы хоть как-то успокоиться, достаю телефон, чтобы все-таки проверить, от кого пришло сообщение.

Рита: «Кир, куда тебя этот мужик уволок? И кто это вообще? Он гостю запястье сломал и три пальца. Елена Викторовна сейчас его успокаивает как может. Он орёт на всю улицу перед зданием».

Читаю один раз. Второй. Третий.

Сломал запястье. И три пальца.

Руки начинают трястись. Телефон дрожит в ладонях, буквы прыгают перед глазами.

— Ты адекватный вообще?! — вырывается у меня. — Ты когда ему успел руку сломать?! Боже... Меня же теперь уволят из-за тебя! На что я жить буду?..

Вцепляюсь в волосы, тяну, надеясь, что боль вернёт способность думать. Не возвращает. В голове только паника и картинка: тот мужик с переломанной рукой, Елена Викторовна, моя работа, мои деньги, моя жизнь... Всё летит в бездну.

— Что, настолько нравится обслуживать бухих уебков? — спрашивает он, и голос сочится брезгливостью. Он даже не смотрит на меня, только на дорогу. — Нравится вертеть перед ними задницей в коротких тряпках? Нравится, как тебя лапают?

Меня пробивает током. Это уже не обида. Это ярость. Слепая, горячая, выжигающая всё внутри.

— А где мне ещё, по-твоему, работать?! — ору я, срывая голос. — А? Так, чтобы и на учёбе не сказывалось, и на квартиру хватало, и на еду, и на одежду, и на все остальные мелочи?! Я с таким трудом попала на это место!

Последние слова уже не крик, а всхлип. Чувствую, как глаза щиплет, как по щекам текут слёзы. Злость схлынула так же быстро, как нахлынула, оставив после себя только пустоту и усталость.

Ярослав молчит. Минута, две, пять. Машина петляет по ночным улицам, и мне начинает казаться, что мы не едем в определённое место, а просто нарезаем круги по городу.

— Я не понимаю, зачем тебе вообще работать, — говорит он наконец. Голос ровный, спокойный, будто не было этой перепалки. — Неужели у тебя такие большие расходы? Судя по твоей квартире и одежде — ты не транжира. Тогда зачем тебе столько денег, если твой дядя до сих пор каждый месяц высылает тебе деньги на содержание?

Я замираю.

Слёзы на щеках высыхают мгновенно. Тело становится ватным. В голове — звонкая, пугающая тишина.

Что он только что сказал?

— Дядя? — переспрашиваю глупо, и в который раз ловлю себя на мысли, что у меня правда есть привычка задавать идиотские вопросы. Но сейчас это не важно. Сейчас важно другое. — Подожди. Что значит «до сих пор»?

Меня только что трясло от эмоций, сердце колотилось, руки подрагивали, а сейчас словно в ледяную воду окунули. Мозг прояснился, включился, заработал на полную мощность.

Я медленно поворачиваю голову и смотрю на него. На его профиль, освещённый тусклым светом приборной панели. На его руки, всё ещё сжимающие руль. На его губы, которые только что произнесли слова, переворачивающие всю мою жизнь.

Наши взгляды встречаются. В его глазах что-то новое. Не гнев, не презрение. Оценка. И лёгкое, едва заметное замешательство.

— Ты не знала, что он высылает тебе деньги с того момента, как умер твой отец, — это не вопрос. Это утверждение.

Глава 12. Квартира

— Это ты узнал через свою работу? — спрашиваю хрипло. Голос не слушается, будто я говорю не своим горлом.

— Да. С того момента как твоя мать осталась вдовой, твой дядя высылал ей платежи каждый месяц. И до сих пор он присылает столько, что спокойно хватит оплатить и учёбу, и квартиру, и прочие расходы. Я так понимаю, ты ни с ним, ни с матерью не общаешься?

В груди разливается дыра. Такая огромная, что, кажется, сейчас туда провалится весь мир. Я смотрю на свои руки, сложенные на коленях, и не узнаю их. Чужие, бледные, дрожащие.

— Не общаюсь, — слышу свой голос со стороны. Чужой, глухой, будто издалека.

Молчанов ждёт. Я чувствую его взгляд на своём лице, но не могу поднять голову. Потому что если подниму, то придётся смотреть правде в глаза. А я не готова.

— Это проверенная информация? — спрашиваю снова, и голос уже не просто глухой, а какой-то мёртвый. — Может, ты что-то напутал?

— Кира, — произносит он, и в этом одном слове столько всего: и усталость, и что-то похожее на жалость. — Я не ошибаюсь. Но если хочешь, могу скачать информацию на флешку и показать.

Затыкаюсь. Смотрю в окно на ночной город, который проплывает мимо цветными разводами. Фонари, витрины, огни машин. А перед глазами совсем другое.

Детство.

Мать вечно пропадает на работе. Я сама собираюсь в школу, сама делаю уроки, сама разогреваю то, что осталось от ужина. Если мать оставляла деньги, то могла купить себе булочку после уроков. Если нет, то жду, когда придёт мама и что-нибудь приготовит, или чистила и грызла морковку, чтобы желудок не сводило.

Иногда соседка тётя Валя звала ужинать, говорила: «Чего ребёнок голодный ходит?» Иногда кушала в гостях у подружек, но всегда чувствовала себя некомфортно. А мать приходила поздно, красивая, уставшая, пахнущая духами. И никогда не спрашивала, ела ли я сегодня.

При этом мы не жили в нищете. Мать всегда была одета с иголочки, причёска, маникюр, хорошая косметика. Мне она тоже покупала красивую одежду, но раз в год, в августе, перед школой. Всё самое необходимое: пару джинсов, несколько футболок, куртку, обувь и форму. Я берегла эти вещи как зеницу ока. Стирала аккуратно, гладила, носила так, чтобы не испачкать. Потому что следующие мне могли купить только через год. А рядом с матерью, которая выходила из дома как с обложки, не хотелось выглядеть замарашкой.

Но если она получала от дяди Андрея деньги... почему же тогда холодильник был почти постоянно пуст? Почему я считала копейки? Почему с двенадцати лет пошла работать, чтобы купить себе еду и нормальные вещи, а не донашивать прошлогоднее? Я всю жизнь считала себя виноватой от того, что мама столько работает, чтобы тянуть меня одной...

— Ты так и не ответила на мой вопрос, — выводит меня из оцепенения его голос. — Вы общаетесь с матерью?

— Нет, — выдыхаю. — Очень редко. Пару раз в год. Ей не до меня.

Слова звучат горько, но это правда. Мать всегда была слишком занята своей жизнью, чтобы интересоваться моей.

— Откуда ты вообще узнал, что я работаю в этом клубе? — спрашиваю, чтобы перевести тему. Не хочу больше говорить о матери. Не сейчас. Потому что не знаю, что делать с услышанной информацией.

Ярослав молчит секунду, и я чувствую, как напряжение в салоне снова сгущается.

— Мне написал один из приближённых людей Гаспарова, — произносит раздражённо. — Сообщение было что-то вроде: «Неужели тебе до такой степени не хватает денег, что ты не можешь свою жену обеспечить, и ей приходится ночами обслуживать мужиков?»

Меня передёргивает. Не от холода, а от того, что эти люди знают, где я работаю. Наблюдают. Следят. Я думала, опасность миновала, а она всё это время была рядом, просто я её не замечала.

— После этого я начал звонить, — продолжает он, и в голосе проскальзывают ледяные нотки. — Ты не брала трубку. Как оказалось, проще вычислить твоё местонахождение через сим-карту по спутнику, чем до тебя дозвониться.

Через спутник. Конечно. У него такие возможности. И всё равно звучит жутко.

— Кстати, кольцо на руке? — спрашивает он вдруг, и я машинально смотрю на свой палец. — Не снимала?

Чувствую, как щёки заливают краской стыда. Конечно снимала. В универе я с кольцом и не хожу.

— На месте, — отвечаю, показательно поднимая ладонь.

Я замолкаю, переваривая всё, что случилось за этот вечер. Пьяный мужик, сломанная рука, новость о дяде, слежка Гаспарова. Слишком много для одной ночи.

— Что теперь? — спрашиваю тихо. — Мне придётся уволиться с работы? Если меня уже не уволили...

Последние слова выходят горькими. Я люблю этот клуб? Нет. Но это мои деньги, моя независимость, моя возможность учиться и не чувствовать себя нищенкой.

— Тебе придётся переехать ко мне, — произносит Ярослав, и я вздрагиваю. — Потому что сегодняшнюю ситуацию просто так не оставят. Люди Гаспарова теперь знают, где ты работаешь, и будут наблюдать. Если поймут, что мы не настоящая пара, то могут навредить.

— А как же моя квартира? — вырывается у меня. — Мои вещи, учёба, я не могу просто так всё бросить...

— Можешь не переживать, — перебивает он. — Я сниму тебе другую квартиру потом, когда мы разведемся. Или, если хочешь, могу оплачивать твою, пока будешь жить у меня. Она не пропадёт.

Я молчу, пытаюсь переварить. Переехать к нему. Жить под одной крышей с этим человеком, который пугает меня до дрожи в коленях, но при этом единственный, кто меня защищает.

— Но это же так дорого, — говорю растерянно. — Разве в ФСБ так много платят, чтобы снимать две квартиры?

Ярослав усмехается. Впервые за весь вечер. Коротко, безрадостно, но усмехается.

— Запомни одно правило, — говорит он, и голос становится серьёзным, почти жёстким. — Про мою работу тебе нельзя говорить ничего. Даже если бы мы с тобой были настоящей парой. А насчёт моего заработка не переживай. У меня есть свои способы. Денег на всё хватает.

От его слов по коже пробегают мурашки. Свои способы. Что это значит? Он что-то скрывает, что-то явно не связанное с официальной работой. Мне становится не по себе. Но спрашивать не решаюсь.

— Ладно, — выдыхаю. — А вещи из клуба? Мне нужно забрать сменку, сумку, переодеться...

— Сейчас заедем, — кивает он. — Я с тобой.

— Ты только... — я закусываю губу. — Не надо больше никому руки ломать, ладно?

Он не отвечает. Просто сворачивает на знакомую улицу, и через пару минут мы паркуемся у «Эндорфина».

В клубе уже тише, чем раньше. Охранник у входа косится на Молчанова, но ничего не говорит. Мы проходим внутрь, и я сразу вижу Риту. Она стоит у барной стойки, заметно нервничает, крутит в руках телефон.

— Кира! — бросается ко мне, едва заведя. — Ты где была?! Я тут чуть с ума не сошла! Елена Викторовна уже полицией грозит, этот мужик, которому руку сломали, орал, что подаст в суд. Его увезли на перевязку, но он так орал... — Маргарита переводит взгляд на Молчанова, который замер в шаге позади меня.

— Рит, я потом всё расскажу, — говорю быстро. — Давай просто как-нибудь встретимся в кафе, ладно? Сейчас не могу.

Она смотрит на меня, потом на Ярослава, потом снова на меня. В её глазах тысяча вопросов. Но она кивает.

— Ладно. Только позвони. Серьёзно, я волнуюсь.

— Позвоню, обещаю.

Бегу в подсобку, переодеваюсь, скидываю форму в пакет. Забираю сумку, проверяю, чтобы ничего не забыть. Когда выхожу обратно в зал, замечая Молчанова у стойки администратора. Он что-то говорит Елене Викторовне, та кивает, что-то записывает в телефон. Выглядит она недовольной, но спорить не решается.

Что он ей говорит? Откупается? Угрожает? Не хочу даже думать.

Подхожу, когда он заканчивает разговор.

— Всё, — говорю тихо. — Я готова.

— Едем.

В машине мы снова молчим. Я смотрю в окно на проплывающие дома и понимаю, что сейчас мы едем в мою квартиру. Забирать вещи. На первое время, как он сказал. Но почему-то мне кажется, что это надолго.

Дома я мечусь по комнате, собирая всё, что пригодится в ближайшие дни. Кольцо на пальце холодит, напоминая, что теперь я не просто Кира. Я Кира Молчанова. Фиктивная жена. Женщина, которую защищают, но не любят.

Когда сумка собрана, оглядываю свою маленькую комнату. Старые обои, дешёвый ковёр, книги на полках. Я здесь выживала. Плакала по ночам, готовилась к экзаменам, приходила с работы без сил. И теперь придётся жить с совершенно чужим человеком на его территории.

— Готова? — Молчанов заглядывает в комнату.

— Да, — киваю. — Наверное.

Он берёт мою сумку, и мы выходим. Я закрываю дверь, проверяю замок, и в этот момент понимаю, что в душе бушует какая-то тревога на пару с тоской.

Мы едем в центр. Город спит, улицы пустые, только фонари горят ровным жёлтым светом. Машина сворачивает в новый жилой комплекс, въезжает на подземную парковку. Дорого, пафосно, не по-моему.

— Ты здесь живёшь? — удивляюсь, выходя из машины.

— Да.

Лифт поднимает нас на высокий этаж. Ярослав открывает дверь, пропускает меня вперёд, и я замираю на пороге.

Квартира огромная. Идеальный порядок, минимум мебели, только самое необходимое. Белые стены, серый диван, стеклянный стол. Панорамные окна, через которые виден ночной город. Минимализм. Холодный, строгий, неуютный.

Здесь чувствуется, что хозяин бывает редко. Нет лишних вещей, нет безделушек, фотографий. Это не дом. Это просто место, где он иногда ночует.

Но при этом здесь чисто, пахнет свежестью, и почему-то всё равно... уютно, что ли. Наверное, потому что это его пространство. И теперь мне придётся здесь жить. В своей старенькой квартирке мне было как-то уютнее.

— Твоя комната будет слева, — говорит он, кивая в сторону коридора. — Ванная рядом. Если что-то понадобится — скажешь.

Я киваю, не в силах говорить.

— Спасибо, — выдавливаю наконец. — Я... Я не знаю, как тебя благодарить.

— Не надо меня благодарить, — отвечает он, и в голосе снова та самая сталь. — Просто делай, что я говорю. И носи кольцо.

Он уходит в другую комнату, закрывает за собой дверь. А я остаюсь стоять посреди огромной гостиной, сжимая в руках свои пожитки.

Смотрю на огни города за окном. Они кажутся такими близкими и такими далёкими одновременно. Как и этот человек, который только что привёз меня, чужую по сути девушку, в свою квартиру.

Глава 13. Флешбэк

Просыпаюсь и не узнаю обстановку. Мне требуется несколько секунд, чтобы мозг подгрузил вчерашние данные и я вспомнила, что теперь живу у Молчанова. Перевожу взгляд на часы. Уже почти обед.

Хорошо, что сегодня суббота. И хорошо, что в универ не надо. Иначе после ночных приключений я просто напросто не смогла бы поднять себя с кровати.

Медленно сажусь. Тишина. Такой тишины не бывает в моей старой квартире. Там всегда слышно соседей, шум за окном, скрип половиц или, на крайний случай, тарахтение старенького холодильника. Здесь тишина плотная, ватная, будто я в какой-то стерильной капсуле.

Выхожу в коридор. Дверь в его комнату открыта, но там никого. Заглядываю на кухню — тоже пусто. На столе стоит кофемашинка и одинокая чистая чашка. В прихожей на тумбочке лежат ключи. Значит, он ушёл. Или уехал. А я предоставлена сама себе.

Стою посреди прихожей и понимаю, что не знаю, чем себя занять. Целый день впереди. В чужой квартире, где, как ни крути, я гость.

Возвращаюсь в свою комнату, достаю тетради. Хотя бы лекции повторю, чтобы не перекладывать подготовку на воскресенье. Сажусь за маленький столик в гостиной, открываю конспекты. Но мысли разбегаются.

Взгляд падает на паспорт, который я выложила из сумки в поисках нужных тетрадей. Через полторы-две недели мне исполнится двадцать. Нужно менять документы. Я где-то читала, что если поменять паспорт даже за несколько месяцев до двадцатилетия, то всё равно придётся переделывать его после. Так что придётся походить со старым ещё немного, и только потом подавать заявление на смену паспорта и фамилии.

От этой мысли становится тоскливо. В будущем у меня должен быть когда-то парень. И как мне ему объяснять эту главу своей жизни про брак?

Тяжело вздохнув, захопываю конспект и иду на кухню. Кофе я уже выпила, но желудок сводит от голода. Неловко заглядываю в холодильник. Внутри идеальный порядок. Яйца, сыр, овощи, охлаждённое мясо, какие-то соусы. Всё выглядит так, будто здесь почти не готовят. Или готовят, но редко.

Перевожу взгляд на плиту.

Она новая, блестящая, с чёрной стеклокерамической поверхностью. Но на ней газовые горелки.

На лбу моментально выступает испарина.

Флешбэки воспоминаний встают перед глазами мгновенно.

Слышу шипение, треск, вижу оранжевые языки пламени, которые лижут стены. Чувствую запах дыма, едкий, удушающий.

Мне восемь лет. Я стою у плиты, пытаюсь пожарить котлеты, честно добытые мною из морозилки. Мамы нет уже третий день. Она уходит рано, возвращается поздно, а иногда не возвращается вообще. Я уже привыкла. Я умею включать плиту. Только что-то идёт не так.

Масло в сковороде загорается. Я не знаю, что делать. Кричу, дёргаюсь, тянусь к кувшину с водой, чтобы залить пламя. Отшатываюсь, роняю сковороду. Масло взрывается, и кухня вспыхивает.

Бок обжигает горячей волной. Я падаю на пол. Прячусь под стол, прижимаюсь спиной к ножке. Дым дерёт глаза, горло, лёгкие. Я не могу дышать. Я плачу. Я зову маму, но её нет.

Дальше плохо помню. Голоса. Кто-то хватает меня, вытаскивает, укутывает в одеяло. На улице много людей, пожарные, скорая. Меня везут в больницу, мажут ожог, делают укол обезболивающего. А когда приезжает мать, я думаю: сейчас она обнимет меня, скажет, что всё хорошо.

Вместо этого она даёт подзатыльник. Такой сильный, что у меня искры из глаз летят.

— Зачем ты вообще лезешь туда, куда тебя не просят?! — кричит она. — Ты спалила кухню! Ты понимаешь, сколько это стоит?!

— Я кушать хотела, — шепчу, и губы дрожат.

— Потерпела бы до моего прихода! Что ты вечно лезешь не в своё дело?!

Она смотрела на меня как на прокажённую. Не спросила, цела ли я. Ей важнее был ущерб, причинённый от моей «готовки». Это сейчас я понимаю, что не виновата. Но тогда восьмилетней мне было больнее не от ожога, оставленного раскалённым маслом, а от осознания, что матери на меня плевать. Эту боль предательства от самого дорогого человека не сравнить ни с чем.

С тех пор я не подходила к газовой плите. Ни разу. Когда сделали ремонт, мать поставила электрическую плиту, в моей съёмной квартире была такая же. Я научилась жить без газа. Перекусывать готовой едой, бутербродами, фруктами. Готовлю дома крайне редко.

И вот, стоя сейчас перед обычной плитой, я понимаю, что выросла. Стала самостоятельной, и со мной подобного больше не повторится.

Но страшно. Я до дрожи в коленях боюсь огня.

Я делаю глубокий вдох, потом ещё один. Медленно отступаю от плиты, будто от дикого зверя.

Что ж. Значит, придётся закупиться тем, что не потребует приготовления. Или ходить по кафе, на которые, к сожалению, финансов у меня нет.

Возвращаясь к себе в комнату, беру ключи с тумбочки и отправляюсь искать магазин.

В супермаркете начинаю бродить между рядами. Из фруктов кладу яблоки, бананы. Йогурты, творожки. Несколько упаковок готовых салатов. Хлеб, сыр, ветчину, чтобы сделать бутерброды. Лапша быстрого приготовления — благо у Молчанова хоть чайник электрический. Замороженная еда, которая разогревается в микроволновке. И ни грамма того, что требует плиты.

По моему возвращению квартира всё так же пуста. Раскладываю покупки в холодильнике, чувствуя себя не очень уютно. Потом делаю себе кофе, нарезаю хлеб с сыром и сажусь за столик с учебниками. Ем, перелистываю конспекты, но мысли не о лекциях.

Интересно, куда он уехал? Думает ли он о том, чем я занимаюсь на его квадратных метрах? Наверное, нет. У него своя жизнь, своя работа, свои тайны. А я лишь временное неудобство, которое нужно перетерпеть.

Я успеваю перечитать все лекции, сделать домашнее задание, созвониться с Ленкой и договориться о встрече с Ритой. Несколько раз подхожу к плите, рассматриваю её, будто надеясь, что она превратится во что-то безопасное. Не превращается.

Когда за окном начинает темнеть, я начинаю нервничать. Где он? Может, с ним что-то случилось? Но звонить боюсь. Сказал же: по пустякам не беспокоить. А беспокоюсь ли я по пустяку? Наверное, да. Он взрослый мужчина, сотрудник ФСБ, он сам за себя постоит. А я сижу тут и накручиваю себя.

Звук открывающейся двери заставляет меня подскочить на стуле. Слышу шаги в прихожей, потом он появляется в проходе на кухню.

В чёрных брюках, в рубашке с закатанными рукавами. Выглядит уставшим, но как всегда собранным.

— Привет. День прошёл нормально? — спрашивает, проходя к холодильнику.

— Да, — отвечаю быстро. — Повторяла лекции.

Он открывает дверцу и замирает, разглядывая мои покупки. Его продукты стоят нетронутыми. Я посчитала логичным: раз мы съехались, будет некрасиво с моей стороны, если я буду трогать его продукты.

— Ты всегда всухомятку питаешься? — спрашивает, и в его голосе нет насмешки, но мне становится почему-то стыдно. — Я специально заказал утром продукты, чтобы ты могла себе что-нибудь приготовить нормальное. Чтобы ты не сидела голодной.

Я опускаю взгляд на свои руки, сцепленные на коленях. Краснею до кончиков волос. Чувствую, как жар поднимается от шеи к щекам, к ушам. Мне так неловко.

Он думал о том, чтобы я не осталась голодной... Думал о том, чтобы взрослая, самостоятельная девушка была сыта...

Глава 14. Карта

— Я... — начинаю и замолкаю.

В голове пульсирует мысль, которую я никак не могу выразить словами.

Я смотрю на него и не понимаю. Этот человек сломал руку пьяному мужику, потому что тот посмел до меня дотронуться. То он разговаривает со мной как с мебелью, приказывает, повышает голос, таскает за шиворот так, что я едва не задыхаюсь от нехватки кислорода. То потом заказывает продукты, чтобы я не сидела голодной. И смотрит сейчас не насмешливо, не устало. Просто ждёт моего ответа.

— Ты готовить не умеешь? — предполагает он, но в голосе нет осуждения.

— Умею, — выдавливаю из себя, чувствуя, как щёки заливают краской. — Просто... я боюсь. Огня. Газовых плит.

— Что случилось? — замечаю, что он достаёт телефон, что-то начинает печатать, облокотившись о столешницу.

Я рассказываю коротко, сбивчиво. Не вдаваясь сильно в подробности. Говорю про огонь, про то, как пряталась под столом. Зачем-то начинаю оправдываться, что пожар устроила не специально. Хотя взрослому человеку это и так ясно. Когда заканчиваю, чувствую, что голос дрожит.

Мельком поднимаю глаза на Молчанова. Его лицо бесстрастно, как всегда. Но я вижу, как сжата его челюсть, как ходят желваки под кожей.

Зачем я ему это рассказала? Ему наверняка не интересно. Просто из вежливости слушал и не перебивал.

Мысленно усмехаюсь. Ну да. Вежливость, как же. Молчанов и вежливость — это не совсем совместимые вещи.

Он молча разворачивается и выходит из кухни. Я слышу шаги в прихожей, потом он возвращается и кладёт на стол передо мной чёрную пластиковую карту. На лицевой стороне его имя.

— Раз уж ты лишилась работы из-за меня, — говорит он спокойно, — будет справедливо, если я покрою твои расходы. Пользуйся.

Удивлённо моргаю. Смотрю на карту, потом на него. Мне становится неловко. Всё как-то... слишком. Даже родная мать обо мне столько не заботилась. Хотя... была ли это вообще забота? Может, окажется, что Яр подписал для меня что-то пострашнее смерти, и эта «забота» просто для отвода глаз.

— Мне кажется, ты слишком много для меня делаешь, — говорю тихо, отодвигая от себя кусочек пластика подальше. — Какая выгода тебе всё это делать?

Глупо я, конечно, поступила тогда, не расспросив всё подробнее. Но у меня не было выбора. Либо он. Либо Гаспаров. Да и Ярослав мне не ответил бы.

— Поверь, — он усмехается одними губами, — оформив брак, я стал зарабатывать в разы больше. И обрёл больше связей. Так что можешь пользоваться картой с чистой совестью.

— Но ты ведь мог и другую взять на роль фиктивной жены, — не унимаюсь я. Мне будто важно получить подтверждение, что меня больше ничего не коснётся из криминала за то, что согласилась на его предложение.

Он смотрит на меня долго, тяжело. Я уже жалею, что спросила.

— Если бы я взял другую, — произносит он медленно, — то не получил бы больше связей в нелегальном бизнесе.

Он разворачивается и уходит, не произнося больше ни слова. Слышу, как закрывается дверь в его комнату, а потом он идёт в ванную.

Остаюсь сидеть, глядя на чёрную карту. Нелегальный бизнес. Связи. Он женился на мне не только ради карьеры в ФСБ, но и ради чего-то... другого. Но вопрос «почему именно я» так и остался открыт. От этой мысли становится не по себе. Но карту я убираю в карман джинсов. Слишком устала, чтобы спорить. И слишком голодна.

Звонок в дверь заставляет меня подскочить. Сердце пропускает удар. Кто это? Люди Гаспарова? Пришли проверить, точно ли я под прикрытием у Яра? Я замираю, не зная, что делать. Но шагов из душа не слышно. Вода всё ещё шумит.

Иду к двери на ватных ногах, смотрю в глазок. Мужчина в форме доставки. С огромным пакетом.

Открываю.

— Доставка, — улыбается курьер.

Принимаю пакет, благодарю, закрываю дверь. Внутри несколько контейнеров, ещё горячих. Запечённое мясо, овощи, какой-то салат, десерт. Он заказал ужин. Пока я сидела и думала, как неловко трогать его продукты, он уже всё решил.

Боже, как же всё-таки стыдно.

Расставляю контейнеры на столе, накрываю на двоих. Нахожу в шкафу тарелки, приборы. Стараюсь, чтобы выглядело красиво. Это самое малое, что я могу сделать.

Вода в душе стихает. Через несколько минут дверь ванной комнаты открывается, и он выходит в коридор.

Поднимаю глаза и замираю.

На нём только хлопковые штаны, низко сидящие на бёдрах. Торс обнажён. Влажные волосы разметаны в хаотичном порядке. Лёгкая щетина сбрита, и теперь он выглядит гораздо моложе. И ещё более опасным. Потому что теперь я вижу, что скрывается под рубашками.

Широкие плечи, рельефные мышцы, несколько шрамов на рёбрах и одно тёмное пятно. Наверное, старая татуировка, которую свели.

Смотрю и не могу отвести взгляд. От него невозможно отвести взгляд. И я понимаю, почему любая женщина согласилась бы на что угодно, лишь бы быть рядом. А когда осознаю, что пляшусь, щёки и шея вспыхивают. Потому что сердце колотится где-то в горле, и я забываю, как дышать от смущения. Едва ли не давлюсь воздухом.

Он замечает моё состояние. Конечно, замечает.

— Ты всегда по дому ходишь в уличной одежде? — в его голосе я слышу лёгкую насмешку.

— Н-нет, — лепечу, пытаюсь выровнять сбившееся дыхание. — Просто не успела переодеться.

Опускаю голову и быстрым шагом иду в свою комнату. Закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной, пытаюсь отдышаться.

Что это было? Я видела мужчин без футболок. В конце концов, в универе на физкультуре, в бассейне... Но не так. Их тела не были настолько мускулистыми. И часть из них не имела той самой притягивающей ауры, исходящей от Яра.

Открываю шкаф. У меня из домашней одежды только короткие шорты и топы на бретельках. Мечусь между желанием выглядеть нормально и страхом показаться развратной. В итоге надеваю пижаму, а поверх лёгкую кофту. Так спокойнее.

Иду на кухню. Он уже сидит за столом, накинув футболку. Я выдыхаю с облегчением.

— Чай будешь?

— Да, — отвечает кротко.

Пока чайник греется, я достаю стаканы. Они на верхней полке, высоко. Тянусь, вставая на цыпочки, достаю два. Поворачиваюсь, чтобы поставить на стол, и замечаю его взгляд.

Он смотрит на мои ноги. На бёдра, которые оголяют шорты. На попу, которая, наверное, сейчас выглядит очень... заметно. Взгляд тяжёлый, прожигающий.

Я замираю. Сердце снова пропускает удар.

— Что-то не так? — спрашиваю, стараясь, чтобы голос звучал невинно. Но внутри всё дрожит.

Моментально вспоминаются его ледяные слова, брошенные в машине: *«Что, настолько нравится обслуживать бухих уебков? Нравится вертеть перед ними задницей в коротких тряпках? Нравится, как тебя лапают?»*. Сейчас я переживаю, что он выкинет что-то в этом же духе. Потому что такие его фразы бьют наотмашь. Более пощёчин, оседаая горечью на моих внутренностях.

Но Ярослав ничего не отвечает. Просто переводит взгляд на тарелку, берёт вилку и начинает есть. Будто ничего не было.

Стою, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Наливаю чай, сажусь напротив. Тоже беру вилку, но кусок в горло не лезет. Мысли путаются.

Он смотрел на меня. Смотрел так, как не смотрят на «временное неудобство» и не «девушку не в своём вкусе». Так смотрят на женщину.

Я украдкой поднимаю глаза. Он ест спокойно, сосредоточенно. Будто ничего не произошло.

Может, показалось? Потому что после всего, что случилось за эти дни, *после его действий, которые для него не были чем-то особенным, а для меня значили слишком много...* я начинаю чувствовать то, чего не должна чувствовать.

Девочки, в моих каналах в ВК (v_lerova) и в ТГ (lerovaanna) есть *арт Ярослава без рубашки*, заглядывайте, буду рада вас видеть)

Также через несколько часов там же опубликую видео-спойлер к нескольким следующим главам)

Глава 15. Кафе

С Ярмом у нас нейтральные, если можно так сказать, отношения. Он не кричит, не таскает меня за шиворот, не задаёт вопросов, от которых хочется провалиться сквозь землю. Но и не смотрит так, как в тот вечер, когда я тянулась за стаканами.

Он всё время в работе, с кем-то созванивается, переписывается, а у меня учёба.

В основном Ярм уезжает рано утром, возвращается поздно вечером. Иногда мы ужинаем вместе. В основном заказывает доставку. Но даже за ужином мы едим в тишине, обмениваясь парой ничего не значащих фраз.

Пару раз он готовил сам. Лично. Я сидела за столом, нарезаю овощи, и смотрела, как он переворачивает мясо на сковороде, и чувствовала себя... беспомощной. Не потому, что он делал что-то особенное. Просто я не могла сделать то же самое, и от этого внутри скребли кошки. Не могла быть полезной. Быть нормальной.

Каждый раз, когда он подходил к газовой плите, я напрягалась. Ждала, что сейчас что-то пойдёт не так. Но он просто готовил. Спокойно, уверенно. И я завидовала этой уверенности. И стыдилась своей слабости.

Он ни разу не упрекнул. Просто заказывал еду или готовил сам. И это почему-то делало всё ещё хуже. Потому что я привыкла всегда справляться сама. А здесь я — обуза. Лишний рот, который нужно кормить.

Но есть и плюсы. У меня появилось время. Много времени. Я перестала бегать между работой и учёбой, перестала считать копейки до зарплаты. Я начала высыпаться. По-настоящему, впервые за много лет. Утром не надо вскакивать по будильнику, перекусывать на бегу, замазывать синяки под глазами от ночных смен и недосыпа.

Консилер теперь валяется в сумке без дела. Моя кожа стала светлее, чище. Синяки, которые раньше выделялись на лице тёмными кругами, почти исчезли. Я выгляжу отдохнувшей. Почти спокойной.

Почти.

Потому что где-то глубоко внутри живёт тревога. Она затихает днём, когда я на парах, когда болтаю с Ленкой, когда читаю книги. Но просыпается ночью, когда я слышу его шаги за стеной. Или когда он садится напротив за ужином, и я чувствую запах его парфюма, и сердце начинает биться быстрее, и я не знаю, что с этим делать.

Сегодня после института мы договаривались с Ритой встретиться в кафе. Всё-таки я обещала ей рассказать о резких переменах в своей жизни. То, что можно рассказать, не подставляя ни её, ни себя.

Мы сидим у окна, девушка заказала кофе, а я полноценный обед. Рита задаёт вопросы, я отвечаю уклончиво, иногда расплывчато, но она не давит. Она вообще умеет чувствовать границы.

Рассказываю про переезд, про то, что теперь живу с «мужем». Рассказываю про ситуацию с покупкой кольца и делюсь переживаниями.

— С одной стороны, это здорово. Может, пока вы живёте вместе, он к тебе присмотрится и разглядит в тебе жемчужину, — улыбается девушка, отпивая кофе.

— Скажешь тоже. Мы с ним как соседи, вынужденные проживать вместе. При первой встрече он закрыл мне рот своей лапищей так, что я чуть не задохнулась. Да и в принципе он напоминает мне кусок мрамора. Такой же жёсткий, холодный...

— И красивый, — перебивает Ритка, усмехаясь.

— А что насчёт тебя? — резко прищуриваюсь, переводя тему.

— А что я?

— Тот парень, с кем ты поцапалась в последнюю мою смену, — напоминаю ей и смотрю, как на её бледном личике проступает едва заметный румянец. Мне становится весело. Надо же. Рита не из тех девушек, кто краснеет от каждой мелочи.

— Не важно. Просто придунок, родившийся с золотым горшком под задницей, — хмурит брови, поджигает губы и смотрит в чашку. Значит, не всё так просто.

— Но чем он смог тебя так вывести? Я ведь за всё время работы даже и не видела, чтоб ты с кем-то из посетителей ругалась.

— Тем, что он наглый идиот, привыкший получать то, что хочет. И играть с интересными «игрушками». Прохода мне не дает. А я не хочу быть чьим-то развлечением.

— Если тебе нужно будет чем-то поделиться или пожаловаться, то звони в любое время, Рит. Я всегда выслушаю.

Она усмехается, кивает и сдвигает рваную чёлку, лезущую в глаза.

— Хорошо. Как у тебя, кстати, в институте дела? А то последние смены так и не успела спросить, — она поднимает на меня свои синие глаза и смотрит прямо в душу. Сколько себя помню — всегда хотела такие же, а не те, что у меня. Не то серые, не то зеленые.

Дальше болтаем о пустяках. Разговор течёт легко, но я краем глаза поглядываю на часы. Время подходит к вечеру. Я ещё не знаю, вернётся ли Яр сегодня рано или снова задержится. Он не предупреждает. А я и не спрашиваю.

Телефон вибрирует на столе. Смотрю на экран — «Молчанов». Сердце делает кульбит. Подношу устройство к уху.

— Да?

— Через час поеду домой, — говорит он. Голос ровный, без лишних эмоций. — Тебя откуда-нибудь забрать?

Я на секунду замираю. Он спрашивает. Не приказывает, не констатирует факт. Это так контрастирует с повседневным холодом, что я теряюсь.

— Я в кафе, — отвечаю. — На Ленинском. Если тебе не сложно, то буду благодарна, если заберешь.

— Хорошо.

Короткий гудок сброса вызова, после чего я убираю телефон в сумку.

— Он? — Рита выгибает бровь.

— Он.

— Заботливый, — усмехается она. — Спрашивает, забрать ли. Прямо джентльмен. Не похоже на то, что ты рассказала.

Я пожимаю плечами, хотя внутри всё покалывает иголочками от закона подлости.

— Это ты просто попала не в тот момент.

Она уходит первой, мы прощаемся, а я остаюсь допить кофе. Достая из сумки книгу, которую купила на днях, чтобы чем-то занять себя в свободное время. Сейчас как раз такое. Ярослав приедет не раньше, чем через полчаса, а мне заняться нечем. Не конспекты же повторять.

Открываю на закладке, и книга засасывает меня в свой мир, превращая внешний в тусклый фон на периферии.

Официант подходит к столику, вырывая меня из чтива.

— У вас будут ещё заказы?

Поднимаю взгляд, чтобы ответить, и замираю.

Напротив, на месте, где недавно сидела Рита, теперь развалился Дима. Тот самый. С холодными стеклянными глазами. Он откинулся на спинку стула, расслабленный, будто сидит здесь уже час. Улыбается. В глазах черти пляшут.

— Нет, спасибо, — говорю официанту, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но глазами продолжаю следить за парнем напротив. — Принесите счёт, пожалуйста.

Он кивает и уходит.

Дима смотрит на меня, но ничего не говорит. Внутри всё сжимается. Сердце колотится где-то в горле. Как я могла пропустить момент, когда он подсел?

— И давно ты тут сидишь? — спрашиваю, и голос выходит тише, чем хотелось бы.

Глава 16. Разговор

— И давно ты тут сидишь?

— М-м-м, дай подумать, — парень делано достаёт телефон из кармана джинсов и смотрит на время. — Минут десять. Может, пятнадцать, — вытягивает губы в кривой усмешке.

— Почему не спросил, прежде чем подсесть?

— Я спрашивал. Раза три примерно. Но ты так увлеклась, что ничего вокруг не замечала.

Дима ставит один локоть на стол и лениво опирается на него подбородком, вновь уставившись на меня. Повисает неловкое молчание, разбавляемое лишь негромкой музыкой и тихими переговорами посетителей за соседними столиками.

— Ты... меня как-то отследил или случайно тут оказался? — произношу, видя, что он не собирается говорить. А мне становится неловко от этого молчания.

— Случайно. Но я ждал твоего звонка. И не дождался... Хотелось бы узнать почему.

Он наклоняется ближе ко мне, но нас всё-таки спасительно разделяет столешница.

— Моё сердце, увы, занято. Поэтому и не позвонила.

Чёрт, было бы замечательно, если бы Яр приехал прямо сейчас. Чувствуя себя как мышка, загнанная в ловушку, начинаю убирать книгу в сумку. К счастью, замечаю официанта. Он приносит терминал, я расплачиваюсь, встаю. Беру свою куртку с вешалки, стоящей позади столика.

Дима тоже встаёт.

— И кем же оно занято? Парнем? Или, может быть, мужем?

— Ой, мой муж — прекрасный человек. Мы любим друг друга давно, и у нас в отношениях идиллия. Моя подруга не знала, что мы с ним расписались, поэтому мне пришлось при ней взять твой номер. Извини, если дала ложную надежду.

Я нервничаю. У меня потеют ладони. А когда я переживаю, начинаю нести всякий бред.

Парень стоит рядом, лениво засунув руки в карманы, и ухмыляется. Напряжение буквально витает в воздухе. Надеваю куртку, пытаюсь быстрее сбежать.

— Настолько идиллия в отношениях, что ты даже кольцо не носишь? — выгибает бровь, наклоняясь ко мне ближе. Его лицо буквально в десяти сантиметрах от моего. Испуганно раскрываю глаза, не знаю, куда деться. Позади меня стена, впереди Дима, преграждающий выход, а по бокам диваны.

Глянула на свою руку. Твою мать. В универе я так и продолжаю снимать кольцо, чтобы никто из одноклассников не шептался. А сегодня после пар забыла его надеть. Если Яр увидит, что я без кольца, наверняка мне жизнь сахаром не покажется.

— Скажи, ты меня обманываешь, потому что я тебе внешностью не понравился? Или я недостаточно настойчив был в нашу первую встречу?

Дима наклоняется ближе. Я отодвигаю голову назад, но упираюсь лопатками в стену.

— Девчонкам ведь нравятся настойчивые парни, верно? — выдыхает мне практически в губы.

Мелькает мысль опрокинуть на него стоящую рядом вешалку, но быстро понимаю, что она тяжёлая.

Соберись, Кира, соберись.

— Не знаю, как остальным. Но мне нет. Не нравятся такие, — Дима, наклонившийся уже непозволительно близко, замирает. Смотрит мне в глаза. — Кольцо не ношу, потому что боюсь потерять. Оно мне очень дорого.

— Допустим, — кивает он, принимая мои слова. — Но что насчёт твоих соцсетей? У тебя нет ни одной фотографии с парнем.

— А это тебя не касается, Дима, — упираюсь руками в его грудь, пытаюсь сдвинуть с места. Но он как скала. Выше меня, как и Молчанов, на целую голову. — Дай мне пройти.

— Как я могу тебя отпустить, когда мы не договорили, малышка? — поднимает ладонь и заправляет мне выбившуюся прядь за ухо. Отшатываюсь от его прикосновения. Оно прошибает током.

— Какая я тебе малышка?! И нечего меня трогать.

— Ладно, ладно, — поднимает ладони и освобождает проход. — Проходи, только не кипишуй. Извини, если обидел. Просто ты мне действительно понравилась.

Выскакиваю из этой маленькой «ловушки», и дышать становится сразу легче. Хватаю свою сумку с дивана как раз вовремя. Динамик издаёт звук мелодии. Ярослав приехал. Наконец-то.

Выскакиваю на улицу, даже не застегнувшись. Прохладный воздух дунул в лицо, контрастируя с тёплым помещением. Оглядываю парковку рядом с кафе, но из-за большого количества машин не сразу вижу машину Молчанова.

А когда всё-таки нахожу, то останавливаюсь, наблюдая. Из его машины выскакивает симпатичная блондинка ненамного старше меня.

— ...тогда и не надо. Иди ты тогда к чёрту, Яр. Понял? — выкрикивает ему в салон автомобиля, а после с силой захлопывает дверь.

Кто это?

Двигаюсь к машине, наблюдая за утончённой красоткой. И в этот момент мне кажется всё в ней идеальным. От аккуратного лёгкого макияжа до идеального пальто. Стильная, лёгкая, элегантная. Полная моя противоположность.

Проходя мимо меня, она так же кидает взгляд на мой внешний вид. Кривится от брезгливости, будто увидела грязную, голодную, бездомную собаку. Обычно я не обращаю внимания на подобное, но тут мне отчего-то стало неприятно. Так на меня смотрела мать, когда я выбирала себе вещи, которые не нравились ей. Потому что вкусы у нас немного отличались.

Поравнявшись со мной, она замедлила шаг, прожигая меня взглядом так, будто я всю её семью отравила. Не люблю таких. На дух не переношу.

На вид милая, а в душе подлая, гнилая. У таких всё во взгляде написано. А ещё они умеют прикидываться невинными овечками.

Сажусь на переднее сиденье и морщусь от запаха дыма в салоне. Обычно Яр курил за пределами машины. Поэтому для меня удивительно видеть его курящим в салоне.

— Кто это был? — спрашиваю прежде, чем вспоминаю, что он не любит глупых вопросов. И вообще, это не моё дело.

— Саша, — выдыхает дым в приоткрытое окно. На нём только тёмные брюки и рубашка, закатанная до рукавов.

Надо же, ответил. Не съезвил. Не наорал. Назвал имя, но от этого понятнее не стало. Любопытство меня буквально раздражает изнутри. Она ведь так на меня смотрела. Наверняка что-то обо мне Молчанов рассказал этой девице. Только вот что именно?

— Твоя девушка? — я прямо чувствую, как хожу по лезвию ножа. Маленькая потеря равновесия, и я поранюсь об его ледяную ярость.

— Нет.

Яр не заводит двигатель. Не делает что-то особенное. Просто смотрит перед собой в лобовое и курит. Докурив первую сигарету, достаёт вторую. А я молчу. Решаю больше вопросов не задавать, пока вновь не наткнулась на стену под названием «это тебя не касается».

— С кем ты ходила в кафе?

— С Ритой. Девушка с клуба, где я работала. Она там барменом работает.

— Врёшь, — отвечает, поворачиваясь в мою сторону. Его светло-серые глаза с чёрным ободком мечут молнии.

Я растерянно моргаю.

— Что за хмырь сидел с тобой за столом?

Настроение Яра пропитывает всё пространство в салоне. Воздух тяжёлый не только из-за никотиновой дымки, но и от его сдерживаемого гнева.

— Это парень с универа. Я ему понравилась, и он решил подкатить.

— Решил подкатить в кафе. Не в универе, где у вас больше шансов пересечься. И решил подойти, несмотря на кольцо на твоём пальце, — произносит скептически.

Чёрт. Всё это выглядело действительно как попытка оправдаться. Будто я действительно ходила на свидание. А ещё я вспоминаю, что кольцо так и не надела. Краснею. Нашупываю его в кармане и пытаюсь незаметно надеть. Но одной рукой это сделать не получается.

Опускаю голову, чтобы скрыть румянец на своих щеках.

— Ты понимаешь, что там тоже могли быть люди Гаспарова? Я думал, ты всё поняла с первого раза. Оказалось — нет.

Он говорит спокойно. Но это спокойствие напускное.

И тут я делаю ошибку. Я тянусь второй рукой, чтобы незаметно вернуть кольцо на законное место, но Яр это замечает. Хватает меня за руку, тянет на себя, рассматривая.

— Ты снимала кольцо, чтоб твой хахаль не узнал, что ты замужем? — почти кричит, зажав сигарету двумя пальцами. — Мне, блять, суперклеем приклеить кольцо, чтоб ты его не снимала?!

Молчу, испуганно вжимаясь в сиденье. Отчитывает, как котёнка, нагавившего в тапки. Я понимаю. Всё понимаю. Но у меня есть причины снимать его в универе. Я не тупая и не глупая.

Он поднимает моё лицо указательным пальцем за подбородок. Смотрю ему в глаза. Зрачки расширены. Ноздри слегка раздуты. Яр выдыхает мне струйку дыма в лицо, произнося уже спокойнее:

— Отвечай, Кира.

Я закашлялась.

— Он не мой хахаль. Я говорю правду, как бы это со стороны ни казалось.

— Допустим. Но ты понимаешь, что подставляешь меня?

— Да я не специально. Просто в универе я его отшила. Но кольцо там не ношу, потому что однокурсники начнут подшучивать про то, что залетела. Я не хочу этих насмешек, понимаешь?

— Тебе дороже жизнь или сплетни группки имбецилов, про которых ты и не вспомнишь через несколько лет?

Замолкаю. И ведь он прав. С этим не поспоришь. Сжимаю зубы, понимая, что меня отчитывают, как ребёнка из разряда «все пойдут с крыши прыгать — ты тоже пойдёшь?».

— Хорошо, я поняла. Но ты тоже с непонятными блондинками катаешься. Или тебя это не касается? — язвительность так и плещется из меня. Сам-то не лучше, зато на меня кричит.

Наблюдаю за ним. Он злится. Дышит, как огнедышащий дракон, а вместо слов в руке сжимает горящую сигарету, крошит её и выбрасывает в окно. Заводит мотор, и машина с визгом вылетает с парковки.

— Не переживай. Больше ты меня с ней не увидишь.

Дорогие мои девочки, хочу поблагодарить вас за ваши теплые комментарии и звёздочки, они меня очень вдохновляют)

Глава 17. Ужин

Утро начинается, как обычно, со сборов в университет. Только сегодня мне хочется выглядеть чуть красивее, ярче, чем обычно.

Сегодня мне исполняется двадцать лет.

Но ничего особенного в этот день я не ожидаю. Я уже давно отвыкла праздновать.

Последний мой пышный день рождения был, когда мне исполнилось семь лет. Он был особенным. С пышным платьем, гостями, шарами и множеством подарков. Я была папиной принцессой. Он носил меня на руках, кружил, и я смеялась так, что звенело в ушах.

Те дни из глубокого детства кажутся такими далёкими, что больше похожи на сладкий сон, чем на реальность.

Но как только его не стало, всё пошло наперекосяк. На мои именины мама всё же покупала торт и делала салат. В подарок я получала что-то полезное. Например, новые кроссовки на весну и лето, потому что старые были малы.

Иногда, слушая рассказы одноклассников, я расстраивалась от того, что мы не можем себе позволить такой праздник. Я не винила в этом маму, ведь она одна меня тянула, работала постоянно. Я была рада уже хотя бы и такому.

Поэтому ожидать чего-то особенного я перестала ещё в детстве.

Порылась в своей одежде, желая найти что-нибудь получше повседневных шмоток, но «ничего особенного» там не было. Примерила одно, второе платье, но всё не то. В юбке идти пока ещё холодно. Нехотя пришлось вернуться к джинсам, но свитшот я надела практически новый. Ему всего несколько месяцев.

Молчанова увидела в коридоре. Он уже был полностью одет.

— С днем рождения, Кира. Одевайся, подвезу тебя на учебу. Буду ждать в машине.

Я уставилась на него, неловко выдавив «спасибо». Надо же, он поздравил меня первый за сегодня.

Перед институтом, как и в первый раз, когда он подвозил меня, Яр заезжает в кофейню и берет два кофе. Почему-то вспомнив ту нелепую ситуацию, мне становится так стыдно. Он ведь правда заезжает в эту кофейню перед работой. А я его благодарить полезла со своим «ой, не стоило из-за меня заезжать». Дура.

Пока мы едем, он вдруг спрашивает:

— Ты всегда в одном и том же ходишь?

Оглядываю свою одежду, не понимая, к чему он клонит.

— Я не в одном и том же, — возражаю. — Просто несколько комплектов вещей, и они похожи.

— Смени гардероб, бога ради. Возьми подружку, прогуляйтесь сегодня по магазинам.

— А что не так с моими вещами? Недостаточно соответствуют стилю Саши? — выпаливаю, прищурившись.

И тут я понимаю, что ляпнула лишнее.

— Недостаточно соответствует статусу жены Молчанова, — меня будто кипятком обливает от его слов.

Отворачиваюсь к окну, поджав губы, — мы как раз уже подъезжаем к главному входу. Я выхожу, даже не обернувшись, не попрощавшись. Просто беру сумку и иду к стеклянным дверям, чувствуя спиной множество взглядов.

Все студенты, кто курит на крыльце, кто стоит у входа, сворачивают головы в сторону отъезжающего чёрного внедорожника. Кто-то присвистывает, кто-то начинает сразу сплетничать.

Краем глаза замечаю, как парни перешёптываются, указывая в мою сторону. Девушки провожают машину завистливыми взглядами.

Не обращая внимания на сплетников, иду к скамейкам в холле, где мы обычно встречаемся с Леной, и тут меня настигает её звонкий голос.

— Хэппи бёздей ту ю! — поёт, выскакивая откуда-то сбоку.

В руках у неё маленькая коробочка, перевязанная ленточкой, и свёрток в цветочной обёртке.

— Лен, ты чего... — начинаю я, но она уже суёт мне подарки.

— Откроешь потом, — говорит, заглядывая мне в лицо. — А ты чего такая грустная? Радоваться надо. Двадцать лет не каждый день исполняется.

— Радуюсь, — улыбаюсь, но эмоция выходит натянутой.

Лена берёт меня под руку, и мы идём в аудиторию. По дороге она краем глаза смотрит на моё кольцо, на новый свитшот, но ничего не спрашивает. Пока не спрашивает.

На перемене мы идём в коридор. Лена достаёт из коробки бенто-торт — маленький, аккуратный, с кремовыми цветочками. Я, конечно, сладкоежка, но даже мне в одиночку его не осилить. Поэтому мы делим на двоих, сидя на подоконнике, и я слушаю, как Лена рассказывает про своего нового парня.

К концу дня настроение всё же выравнивается. Несколько одноклассников поздравляют — кто-то в мессенджере, кто-то устно, встретив в коридоре. Остальные пялятся как на инопланетянку, особенно после утреннего представления у входа. Я чувствую на себе взгляды, слышу шёпот, но делаю вид, что ничего не замечаю.

Лена терпит до третьей пары, а потом набрасывается.

— Так, — говорит она, когда мы выходим из аудитории. — Кто тебя привёз? Откуда кольцо? И почему ты мне ничего не рассказала?

Тактичностью, в отличие от Риты, Лена не обладает. Она задаёт вопросы прямо и ждёт очень подробных и откровенных ответов.

Я вздыхаю. Понимаю, что отмазаться не получится.

Мы идём в буфет, садимся за дальний столик. Рассказ выходит примерно чуть подробнее, чем для Марго. Лена слушает, открыв рот.

— То есть ты замужем? — переспрашивает. — По-настоящему?

— По документам, — поправляю я.

— А кольцо?

— Подарил, чтобы всё выглядело правдоподобно.

Она замолкает на секунду, потом поджимает губы.

— И ты ничего мне не сказала? Мы же подруги! — в её голосе обида. Звенит звонок, и нам приходится идти в аудиторию.

Брюнетка дуется на меня всю последнюю пару. Но стоит нам только выйти из кабинета — пристраивается рядом, подстраиваясь под мой шаг, и снисходительно произносит:

— Ладно, так уж и быть. Я тебя прощаю. Но ты должна мне рассказать, что сегодня утром случилось. Вы поругались, поэтому ты была такая кислая?

Я краснею. Приходится рассказать в двух словах и это.

— Ты что, ненормальная? — Лена округляет глаза. — Он же заботится! Кто на правду обижается?

Прищуриваю на нее глаза. И она туда же.

— Спасибо, — выдавливаю, выпатив вперед губу. А потом добавляю любимое: — Дура.

— Ну а что такого? Если тебе обидно за такие слова, тогда тем более надо брать его карточку и бежать его разорвать! Ничего ты ещё не понимаешь.

— Вот смотри, — Лена прикидывает к моей фигуре очередные модные штаны. Пятые или шестые — не помню. — Как тебе?

— Лен, может, хватит уже, а? Мы и так набрали столько, что я до дома это не дотащу.

Я уже порядком устала и проголодалась. Сначала меня загли слова подруги, но спустя два часа мой энтузиазм иссяк. Не могу больше. Оставьте меня тут и не трогайте.

— Эх ты. Слабачка, — усмехается она. — Я вот могу целый день шататься по магазинам. А ты только три часа продержалась.

Кое-как удерживая одной рукой пакеты, вызываю такси. С Леной мы прощаемся, но договариваемся сходить на днях в кино. Водитель недовольно косится в мою сторону, но молчит.

Уже дома я разбираю пакеты и обдумываю сегодняшний день. Ярослав до сих пор не приехал. Даже сообщение не написал. Может, обиделся на меня? Хотя Молчанову вряд ли знакома эта эмоция. Скорее всего, он злится.

Телефон звякает сообщением.

Мама.

«С днем рождения, Кира».

И картинка со стихами. Холодно, сухо, отстраненно. Вот и все поздравление от единственного родителя.

Я смотрю на экран и чувствую, как внутри всё сжимается. В прошлом году она хотя бы позвонила. В этом — просто картинка. Как будто отметила галочкой: дочь не забыта, можно жить дальше.

Не знаю почему, чувствую себя паршиво. Внутри будто как-то пусто, что ли. Остаток вечера не хочется проводить в одиночестве. В прошлый день рождения я работала. И меня поздравили все ребята с клуба. А сейчас...

Оглядываю пустую, тихую квартиру. Ну нет. Надо, наверное, все-таки извиниться перед Яром. И сделать что-нибудь особенное для него.

Но что именно? У него всё есть. Что ему может понравиться? Пришлось долго ломать голову, перебирая варианты. В итоге остался один, который пугал меня больше всего.

Я могла бы приготовить ужин. Не просто заказать готовое, а приготовить сама, вложив туда свою заботу и частичку души.

Иду на кухню и смотрю на злощастную плиту. Перед глазами пляшет огонь из воспоминаний.

Но ведь все готовят? Готовят. И Яр много раз готовил. И ничего не случилось.

Мне страшно. Безумно страшно. Но Молчанов столько уже сделал для меня, что это меньшее из того, чем я могла бы его отблагодарить.

Вытаскиваю мясо из холодильника. Нарезаю вместе с овощами. Руки потряхивает мелкой дрожью. Я смогу. Я справлюсь.

Стоило мне налить каплю на раскаленную сковороду и положить туда мясо, как оно сразу начало стрелять. Вздрагиваю и отпрыгиваю от плиты с легким визгом. Осторожно, словно подкрадываюсь к дикому зверю, накидываю крышку.

Получилось. У меня получилось. Внимательно слежу за огнем, не отводя взгляда. Внутри продолжает клочкотать паника. Тело бросает то в жар, то в холод. Но я справилась. На глаза навернулись слезы.

Через час всё было готово. Я красиво накрыла стол и села ждать, гадая, во сколько придет мой муж. Может, успею за тортом сбежать? Или он не ест сладкое? А вдруг он вообще не придет сегодня?

Мысли жужжат в голове, словно рой пчел в улье. Прошел час. Два. Яра всё нет. За окном уже сияют звёзды, и я тяжело вздыхаю и иду в гостинную на диван. Беру в руки подарок Лены — две книги, которые я давно хотела купить, но всё либо не хватало денег, либо времени.

Погрузившись в историю главных героев, я не заметила, как заснула.

Ощущение, будто меня подняли в воздух, заставило сознание медленно начать просыпаться. Приоткрыв глаза, первое, что вижу, — это мужская грудь, обтянутая серой хлопковой футболкой.

— Спи, — раздается негромкое.

Чем больше сознание возвращалось из царства сна, тем больше я не понимала, что происходит. Почему я у Молчанова на руках? И куда он меня несёт?

— Яр, — вырывается хрипло. Отрываю голову от его плеча, и моё лицо оказывается на одном уровне с его. Боже мой, он так близко.

Он останавливается. Смотрит прямо мне в глаза.

— Что?

От его хриплого низкого голоса и опасной близости сердце начинает биться быстрее. Чую предательский жар на своих щеках.

— Отпусти меня, пожалуйста. Я сама пойду, — почти шёпотом.

Он отпускает, но не сразу. Его горячие руки жгут оголённую кожу под коленями. Мне становится жарко, неловко и стыдно. Стоит моим ступням коснуться линолеума, как я пошатываюсь. Яр реагирует быстро, придерживая меня за талию.

— Сколько времени?

— Половина двенадцатого. Я сегодня задержался.

Переминаюсь с ноги на ногу, не зная, куда себя деть. Идти спать? Или позвать его за стол? Там уже наверняка всё остыло...

— Я видел, ты доставку заказала. Но сама не ела. Почему? Меня ждала?

— Я не заказывала, — выдавливаю из себя, опустив глаза.

Он хмурится, не понимая. А потом до него доходит.

— Ты что, — его тяжелая рука ложится на мой подбородок, приподнимая. — Ты... сама готовила?

Серые глаза цепко отслеживают каждое изменение на моем лице. Изучают каждую черточку. И снова он находится слишком близко. Непозволительно близко.

Медленно киваю, наблюдая, как он хмурит брови с минуту. Потом отпускает мой подбородок, берет за руку и ведет за собой на кухню. Мои тонкие пальцы утопают в его лапище. Это выглядит настолько романтическим и неправильным одновременно, что ладошка начала потеть.

Первым делом замечаю на столешнице букет цветов.

Молчанов выпускает мою ладонь и начинает по одной запихивать тарелки в микроволновку. А я стою у входа и смотрю на белые розы, не решаясь подойти к такой красоте.

— Тебе не нравятся цветы? — спрашивает Яр, вновь нахмурив брови.

— Нравятся.

— А чего тогда стоишь, как бедный родственник?

— Это мне? — спрашиваю удивленно. Мне таких больших букетов ещё не дарил никто.

— Нет. Я себя решил побаловать. Конечно, тебе, Кира.

Подхожу и зарываюсь носом в упругие бутоны. Обалдеть.

— Он же такой дорогой... — шепчу, переполненная эмоциями.

— Это просто цветы. Мы с тобой не так близко знакомы, поэтому подарок на юбилей выбери себе сама. Карта у тебя есть.

Замираю, растерянно прокручивая его слова. Яр тем временем расставил горячие тарелки и принялся есть. У меня в желудке тоже заурчало.

Сажусь за стол, отправляя первый кусочек в рот. Вот блин. Надо было попробовать прежде, чем стол сервировать. Мясо пережарено, оно сухое и его очень сложно разжевать. Зато Молчанов жуёт и не морщится.

— Как ты вообще пришла к мысли что-то приготовить? — он откупоривает бутылку вина и наполняет два бокала. Один пододвигает мне.

— Я хотела извиниться. За свои слова утром. Мне не стоило так говорить. И за цветы тоже спасибо, — добавляю поспешно. — Мне очень нравится.

Когда-нибудь я перестану краснеть из-за каждого слова. Надеюсь, хотя бы в этой жизни.

— Не стоило. Но ты молодец, что начала бороться со своим страхом. Я тобой горжусь.

Всего лишь три слова разбили мне сердце.

Я тобой горжусь.

Сердце словно сжали в кулак, мешая мне сделать вдох. Слезы навернулись, вырвались из глаз, крупными каплями стекая по щекам. Почему, ну почему чужой человек проявляет ко мне больше теплоты, чем кто-либо?

Я всхлипнула, зажав рот ладонью. Так стыдно показывать при нем слабость. Но я даже в комнату уйти не могу, потому что из-за пелены слёз ничего не вижу.

Крепкие руки обвили мои плечи, притягивая к сильной груди и утягивая рядом с собой на пол. Я плакала, заливая слезами и соплями его футболку. А он просто гладил меня по спине и успокаивал. Молча, в своей манере. Не проронив ни слова.

Успокоившись спустя время, я посмотрела на него заплаканными глазами, боясь думать о том, как ужасно сейчас выгляжу.

— В-вкусно хоть б-было? — намекаю на ужин. Понимаю, что он получился не очень, но мне хочется услышать его ответ.

Он заправляет выбившиеся прядки из хвоста мне за уши и шепчет:

— Очень, — а потом его губы накрывают мои. Аккуратно, не торопясь. Будто спрашивая разрешение и давая мне возможность отстраниться.

Жар мгновенно окутал всё моё тело. Я поддалась ему навстречу, застонав в губы. Его ладонь легла мне на затылок, притягивая ближе, а вторая легла на талию.

Я, конечно, целовалась раньше, он не украл мой первый поцелуй, но стал первым, чей поцелуй заставил сладко замирать сердце. Он волной электричества проходит по телу, устремляясь вниз живота.

Глава 18. Кино

После универа я возвращаюсь домой, чтобы переодеться. Мы с Леной договорились сходить на вечерний сеанс, и я впервые за долгое время чувствую лёгкое волнение перед выходом. Не потому, что иду в кино, а потому, что наконец-то могу надеть что-то из тех обновок, которые мы набрали в торговом центре.

На улице весна вступила в свои права. Сугробы почти растаяли, оставив после себя мокрый асфальт и лужи, в которых отражается закатное небо. Птицы щебечут так громко, будто радуются каждому прожитому дню. Воздух пахнет влажной землёй и чем-то свежим, обещающим тепло.

Достаю из шкафа одно из платьев, которое выбрала Лена. Короткое, светло-голубое, с юбкой полусолнцем. Раньше я никогда не носила ничего подобного. Казалось, слишком смело, слишком заметно. Да и я привыкла носить именно практичные вещи. Но сегодня почему-то хочется.

Я поправляю волосы, смотрю на себя в зеркало и не узнаю. Красотка напротив — не та девчушка, которая пряталась в толстовках и джинсах. Она выглядит так, будто у неё всё впереди. И, наверное, так и есть.

Лена встречает меня у кинотеатра с широкой улыбкой.

— Ого, — тянет она, окидывая меня оценивающим взглядом. — А кто это у нас такая красотка?

— Куда мне до тебя, — краснею, но улыбаюсь в ответ.

Фильм оказался пронзительной мелодрамой, и я, сама того не ожидая, разревелась в конце. Сцена, где героиня наконец отпускает прошлое и делает шаг навстречу новой жизни, ударила прямо в сердце. Наверное, потому что я слишком хорошо понимаю это чувство — когда боишься поверить в хорошее, потому что привыкла, что хорошее заканчивается.

Лена протягивает мне салфетку и обнимает за плечи.

— Какая же ты эмпатичная, — вздыхает она, но в голосе слышится тепло.

— Там просто... — всхлипываю я. — Она столько лет не решалась, а потом взяла и...

— Знаю, знаю, — Лена терпеливо ждёт, пока я успокоюсь. — Но всё же хорошо закончилось.

Мы ещё какое-то время обсуждаем фильм, спорим о мотивации героев и делимся впечатлениями. К тому моменту, как выходим из кинотеатра, на улице уже почти стемнело. Лена ловит такси и оборачивается ко мне:

— А ты что, не поедешь?

— Тут всего десять минут пешком, — пожимаю плечами. — На улице тепло, да и хочу немного успокоиться после фильма.

Она смотрит на меня с сомнением, но кивает.

— Тогда напиши, как доберёшься.

— Обязательно.

Такси уезжает, и я остаюсь одна. Иду медленно, вдыхая вечерний воздух, и мысли сами собой возвращаются к тому вечеру.

К поцелую.

Мы сидели на кухонном полу, прижавшись друг к другу, и его губы были такими тёплыми, такими нежными, что у меня закружилась голова. Я помню, как его рука скользнула с талии на спину, как пальцы запутались в моих волосах, как дыхание сбилось, и мир перестал существовать за пределами этого маленького пространства.

А потом зазвонил телефон.

Яр отстранился, посмотрел на экран, и его лицо мгновенно изменилось. Он поднялся, ответил коротко и резко, а после сказал, что ему нужно уехать. Срочно. Я кивнула, не задавая вопросов, хотя внутри всё оборвалось.

Вчера его не было. Вообще. Он написал только одно сообщение: «Сегодня не жди, буду на работе». Я прочитала его раз десять, пытаюсь угадать по словам, злится ли он или просто занят. Но сообщение было сухим, как и всегда.

Сейчас, идя по вечерней улице, я думаю о том, что так и не сказала ему главного. Не поблагодарила за цветы по-настоящему. Не спросила, что изменилось между нами после того поцелуя. Боялась, наверное. Боялась, что для него это ничего не значило.

Уже почти подходя к дому, чувствую чей-то взгляд на своей спине. Тяжёлый, пристальный, от которого по коже бегут мурашки.

Останавливаюсь, оборачиваюсь.

Позади идёт мужчина или парень, в темноте сложно разобрать. Он разговаривает по телефону, опустив голову в пол, и, кажется, не обращает на меня никакого внимания. Я ускоряю шаг, стараясь унять бешено колотящееся сердце. Внутри скребут кошки от плохого предчувствия, но я убеждаю себя, что это просто паранойя. На улице ещё не совсем темно, фонари горят, люди ходят по своим делам. Я не нарушаю наказа Яра — возвращаюсь домой до темноты.

У подъезда я выдыхаю. Спокойно. Всё спокойно.

Захожу внутрь, и дверь с гулким щелчком закрывается за мной. В подъезде темно. То ли свет ещё не включили, то ли лампочка на первом этаже перегорела. Привычным движением нащупываю в сумке телефон, чтобы посветить, и иду к лифту.

Сзади открывается дверь, издавая знакомый писк домофона. «Наверное, кто-то из соседей», — мелькает мысль.

Я не успеваю обернуться.

В одно мгновение чья-то рука зажимает мне рот, и меня прижимают к стене. Тяжёлое тело нависает сзади, лишая возможности двинуться. Я дёргаюсь, пытаюсь закричать, но ладонь заглушает любой звук. Сердце ухает куда-то вниз, в глазах темнеет от ужаса.

— Да не рыпайся ты, — шипит знакомый голос прямо у уха.

Дима.

Он наклоняется, и я чувствую запах табака и чего-то сладковатого, от чего тошнит. Он высокий, сильный, и я понимаю, что не смогу вырваться. Но всё равно бью ногами, пытаюсь укусить его за руку.

— Я сказал, не дёргайся, — рычит он, сильнее прижимая меня к стене. — Слушай сюда.

Он чуть ослабляет хватку, и я выдыхаю ртом, жадно глотая воздух.

— Что тебе от меня нужно? — голос срывается на хрип, но я стараюсь говорить твёрдо. — Отпусти меня сейчас же.

— Мне нужно с тобой поговорить, — говорит он, и в его тоне слышится что-то новое. Не насмешка, не наглость. Что-то другое. — Сейчас ты тихонечко выйдешь со мной из подъезда и сядешь в машину. Без оров, криков и истерик.

— Я тебе ничего не должна, — выдыхаю я. — Убери руки.

— Если не сделаешь, тебе же хуже будет, — он не слушает. — Ну так что? Договорились, куколка?

Молчу, ибо не хочу говорить ему ни слова.

— Я тебя спросил, — его голос становится тише и опаснее.

— Я никуда не поеду!

Он резко разворачивает меня к себе, прижимая спиной к стене. Теперь я вижу его лицо, в полумраке подъезда его глаза кажутся почти прозрачными, бездонными, такими же, как у главного моего кошмара. Дима смотрит на меня с такой настойчивостью, что мне становится страшно до дрожи.

— Поедешь, — цедит он. — Я даже обещаю быть нежен, если ты не будешь сопротивляться.

Его рука скользит по моему плечу, спускается ниже, и я чувствую, как его пальцы касаются оголённой кожи на ноге, задирая подол платья. Волосы на голове встают дыбом.

— Убери руки, — шиплю я, пытаюсь оттолкнуть его. — Немедленно.

Он не слушает. Он наклоняется ближе, и я чувствую его дыхание на своей шее.

— А что, если не убери? — шепчет, усмехаясь. — Что ты сделаешь?

— Я сказала, отвали от меня! — кричу что есть силы и бью его кулаком в грудь.

Парень хватает меня за запястья, прижимая к стене. Его лицо приближается, и я понимаю, что сейчас он меня либо поцелует, либо сделает что-то похуже.

— Поверь, милая, уж лучше я, чем мой дядя, — говорит он, и в его голосе звучит странная уверенность. — Ты не представляешь, Кира, какая на тебя началась охота, когда выяснилось, кем был твой отец.

Он замолкает, и в этот момент я слышу шаги. Тяжёлые, быстрые. Дима дёргается, пытается обернуться, но не успевает.

Огромная рука хватает его за шиворот и с такой силой отрывает от меня, что он отлетает к противоположной стене.

Ярослав.

Его лицо искажено ледяной яростью. В правой руке — пистолет. Он приставляет дуло к виску Димы, и я слышу щелчок взведённого курка. Он спокоен, уверен. Будто каждый день так делает. Чувствую, как по стене стекает холодный пот.

Медленно, с некой ленцой, будто находится на светском мероприятии, он произносит:

— Ты, уёбок, лапал мою жену.

Дима замирает, широко раскрыв глаза. В тусклом свете, доносящемся со второго этажа, вижу, как по его виску стекает капля пота. Молчанов лишь растягивает губы в усмешке. Улыбка, полностью лишённая эмоций, но обещающая расплату.

— Уже догадываешься, какие тебя ждут последствия? — выдыхает тихо, почти на грани шёпота, наклоняясь ближе к его лицу. Дима зажмурился.

Секунда, и слышится хруст. Вой проносится по всему подъезду.

Боже... Я не знаю, что делать. Не могу оторвать взгляд от всего этого ужаса.

Следом раздаётся ещё один хруст. На этот раз это рука. Я взвизгиваю от испуга, а с Ярослава слетела маска спокойствия. Дима зажимает нос здоровой рукой, из которого хлещет кровь. В следующий момент он теряет равновесие и летит кубарем по лестнице. Молчанов идёт за ним. Приседает на корточки рядом с телом, вновь приставляя пистолет к его виску.

Дима замирает. Его глаза расширяются от ужаса.

— Нет! — вырывается у меня. — Яр, не надо!

Мой голос дрожит так же, как и всё тело.

Яр смотрит на меня, потом переводит обратно на него, и в его взгляде столько холодной, первобытной агрессии, что у меня подкашиваются колени. Я никогда не видела его таким. Знала, что он может быть холодным, быть жестоким, но сейчас... сейчас он выглядит так, будто ему ничего не стоит лишить жизни человека. Будто он уже убивал. И, кажется, только мои слова удерживают его от этого.

Мужчина поднимается, продолжая удерживать пистолет в руке. Секунда — и его рука чуть приподнимается, нажимая на курок. Раздаётся выстрел, но не громкий. Видимо, на пистолете глушитель.

Я вздрагиваю, кровь отливает от лица. От этого ужасного зрелища содержимое желудка просится наружу.

Парень воет, зажимая простреленное колено здоровой рукой. А мне дурно. Голова кружится. В ушах звенит. Перед глазами мелькают картинки той ужасной сырой ночи. Но этот хотя бы жив.

Яр достаёт телефон из кармана и кому-то звонит.

— Уберите мусор в подъезде. И доставьте его лично папаше.

Молчанов убирает оружие куда-то за пояс, а потом поворачивается ко мне. Его глаза всё ещё горят, дыхание тяжёлое, сбитое. Он смотрит на меня, и в этом взгляде столько всего, что я не могу выдержать.

В два огромных шага он сокращает расстояние между нами, хватая меня за шиворот толстовки, и тянет в сторону лифта. Ворот врезается в кожу, перекрывая кислород, и на мгновение в глазах темнеет. Я пытаюсь убрать его руку, но он держит крепко, не давая вырваться.

— Яр... — задыхаюсь я.

Он не отвечает. Грубо заталкивает меня в кабину и нажимает кнопку своего этажа.

Мы едем молча. Воздух в лифте буквально плавится от его неконтролируемого гнева. Вжимаюсь в стенку лифта, желая стать её частью, раствориться, исчезнуть. Мне всё ещё дурно. Никогда не видела его таким. Я думала, что видела его злым, но это было ничто по сравнению с тем, что сейчас.

Двери открываются. Яр снова хватает меня за предплечье, тащит в квартиру, не давая опомниться. Я спотыкаюсь, но он не отпускает.

Мы в коридоре. Он разворачивает меня и прижимает своим огромным телом к стене. Нависает сверху, и я чувствую, как дрожат его руки.

— Тебе мужского внимания захотелось, а, Кира? — рявкает он мне в лицо, обдавая горячим дыханием.

— Яр, я...

— Молчи, — перебивает он, и в его голосе слышится столько боли, что я замираю. — Молчи, Кира.

Он кладёт руку мне на горло. Не давит, просто держит. Его ладонь горячая, шершавая, и я чувствую, как бьётся мой пульс под его пальцами. Лоб покрывается испариной от страха. Его — тоже, но от гнева. От ярости, которая рвётся наружу.

Сжимает челюсть так, что желваки ходят под кожей.

— Решила перед уёбком платицем покрутить? Не хватает горячих ощущений? — он наклоняется ближе, и я чувствую запах его парфюма, смешанный с потом и дымом. — Так я тебе их устрою.

Его губы накрывают мои в диком, яростном поцелуе.

Глава 19. Моя

Здесь нет нежности. Нет аккуратности. Только голод и злость, смешанные с чем-то первобытным, не терпящим возражений. Он целует так, будто хочет стереть из памяти чужое прикосновение, доказать, что с этого момента и навсегда я принадлежу только ему.

Ноги подкашиваются, но сопротивлений нет. Руки сами обхватывают его шею, притягивая ближе, втягивая в этот поцелуй, где смешалось всё: страх, облегчение, ликование и что-то неведомое, чему пока не решаюсь дать имя.

Тяжело дыша, вжимает меня в стену, сжимая бёдра с такой силой, что, наверное, останутся синяки.

— Кира, — выдыхает, отрываясь от губ, и в этом одном слове столько всего, что перехватывает дыхание.

Не отвечаю. Не могу. В горл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.